

ной дорогѣ. Бѣдность здѣсь въ полномъ смыслѣ слова: кромѣ плохого хлѣба съ мякиной, ничего нельзя достать.

Сегодня узнали мы отъ проѣзжавшаго бригаднаго генерала кн. Абамелика (Сумской гусарскій полкъ его бригады велѣдъ за нами также переходилъ Балканы чрезъ Твердицкій переваль), что съ Турціей заключенъ 19-го февраля миръ; но въ то-же время на политическомъ горизонтѣ собираются новыя тучи и будто намъ грозитъ новая война—съ Австріей. Избави Боже отъ новаго кровопролитія!

22 февраля. Сегодня рѣшено было совершить послѣдній нашъ пѣшій переходъ, вплоть до Ени-Загры. По маршруту отъ Твердицы до названнаго города считается слишкомъ 40 верстъ, но мы пошли болѣе сокращеннымъ путемъ. Утро стояло великолѣпное, солнечное. Въ 7-мъ часу мы уже выступали изъ деревни, бодрые и веселые, предвидя скорый конецъ нашего дальняго странствованія. Верстъ съ 8 дорога шла параллельно снѣжному хребту Балканъ, у подножія котораго живописно расположены турецкія деревни Джумали и Терціоба. На ясномъ голубомъ фонѣ неба снѣжный хребетъ былъ великолѣпенъ и ослѣпительнъ. Въ глубокихъ расщелинахъ его виднѣлись клочья бѣлыхъ облачковъ, точно задержанные грозными горными исполинами въ своемъ полетѣ. Далѣе дорога стала уклоняться къ югу, и мы почти незамѣтно поднялись на холмистую возвышенность, извѣстную подъ названіемъ Малыхъ Балканъ. По сравненію со своими грозными сосѣдями эта возвышенность едва заслуживаетъ названія горъ.

Вскорѣ спустились мы въ долину, по которой протекаетъ р. Тунджа. Здѣсь раскинулось турецкое селеніе Лидза, разрушенное до тла: отъ домовъ остались цѣлыми только однѣ печи съ трубами. Перейдя рѣку, мы сдѣлали приваль близъ находящихся здѣсь теплыхъ сѣрныхъ источниковъ: уцѣлѣло небольшое зданіе съ банями, которыя повидимому очень посѣщались турками. Теперь ими пользуются одни болгарскіе пастухи. Сѣрная вода, температурою до $+45^{\circ}$ R., собирается въ нѣсколькихъ наружныхъ резервуарахъ, а затѣмъ наполняетъ большой бассейнъ внутри зданія. Командѣ нашей воспрещено было здѣсь купаться, такъ какъ дѣйствіе сѣрныхъ водъ—разслабляющее. Около полудня двинулись мы далѣе. Солнце стало грѣть по лѣтнему, на горахъ попадалось уже гораздо больше растительности, но розовые кустарники все же были еще безъ листьевъ. Я собралъ нѣсколько образцовъ весенней флоры Малыхъ Балканъ: дикій плющъ, ранункулы, гладіолусы двухъ цвѣтовъ и миниатюрный видъ дикой астры. Горныя формаціи представляли большею частью скалы бѣлаго мрамора и глинистаго желѣзняка. Наконецъ мы миновали и эти горы и увидали предъ собой безпредѣльную равнину, гладкую, какъ столъ, которая къ югу сливается съ горизонтомъ. На этой равнинѣ виднѣлись населенные пункты, надъ ко-

торыми поднимались кое гдѣ столбы дыма. Второй привалъ мы имѣли у селенія Корта, въ 5-ти верстахъ отъ Ени-Загры: это разстояніе мы прошли меньше, чѣмъ въ часъ. Вся дорога здѣсь буквально усыяна была пестрымъ тряпьемъ одежды, мундировъ и всякаго домашнего хламу: это слѣды бѣгства цѣлыхъ населеній и передвиженія войскъ. При вступленіи въ Ени-Загру мнѣ живо вспомнилась Помпея: сходство было поразительное. Во всемъ этомъ еще недавно красивомъ городѣ, состоявшемъ преимущественно изъ каменныхъ домовъ, не осталось въ настоящее время почти ни одной уцѣлѣвшей постройки: дома, лавки, мечети и кіоски, — все разрушено. Между развалинами возвышаются только нѣсколько минаретовъ и два-три дома. Эта грустная картина разрушенія скрашивается только обширными городскими садами, гдѣ растутъ пирамидальные тополя и розовые кусты. Во всѣхъ краяхъ города еще дымятся старыя пепелища: это тѣ столбы дыма, которые мы увидали еще издали. Возвращающіеся сюда болгаре поддерживаютъ эти костры, сжигая пададь и всякій хламъ въ разрушенныхъ домахъ. Въ двухъ-трехъ лавкахъ, которыя мы разыскали въ городѣ, ничего нельзя достать, кромѣ хлѣба и вина. Мы размѣстились въ какомъ-то бывшемъ турецкомъ караванъ-сараѣ, состоящемъ изъ низкаго одноэтажнаго стараго строения и двора, обнесеннаго каменною стѣной. Въ одномъ углу этого помѣщенія уже пріютилось многочисленное болгарское семейство, только-что вернувшееся сюда изъ Тырнова. Въ сосѣдней съ нами комнатѣ лежитъ молодой болгаринъ, весь израненный: онъ уведенъ былъ въ плѣнъ въ Адрианополь, откуда недавно освобожденъ русскими. Отца его турки повѣсили.

23 февраля. Сегодня утромъ при сборѣ всего нашего батальона отслуженъ былъ о. Митрофаномъ благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго перехода чрезъ Балканы. Кругомъ собралась толпа болгаръ, которые благоговѣнно крестились и клали земные поклоны. Послѣ молебна к.-лейт. Дейбнеръ благодарилъ офицеровъ и команду за понесенные труды и поздравилъ насъ съ окончаніемъ сухопутнаго похода. Среди дня 1-я и 2-я роты съ музыкантами и частью обоза отправились на станцію желѣзной дороги, по которой мы поѣдемъ отсюда на Адрианополь. Вторая половина нашего экипажа поѣдетъ завтра, за недостаткомъ вагоновъ. Адрианопольская желѣзная дорога, которая проходитъ чрезъ Ени-Загру, — въ рукахъ австрійской компаніи, которой мы уплачиваемъ 50% стоимости поѣздовъ по повышенному тарифу. Въ виду окончанія похода, пошла у насъ здѣсь, въ Ени-Загрѣ, спѣшная распродажа лошадей и ословъ. За покупателями дѣло не стало, такъ какъ вернувшіеся сюда болгаре крайне нуждаются во вьючномъ скотѣ, а деньги у большинства имѣются очень порядочныя, несмотря на истрепанный нищенскій видъ этихъ „братушекъ“. У многихъ изъ нихъ пояса туго набиты чер-

вонцами. Не безъ сожалѣнія разстался я съ своимъ воронымъ „Туркомъ“, вѣрно прослужившимъ мнѣ 4 мѣсяца; я продалъ его всего за 7 золотыхъ. Ослы также почти всѣ распроданы довольно дешево.

У насъ обѣдалъ сегодня генералъ кн. Абамеликъ. Его кавалерійская бригада только что прибыла сюда, и при перевалѣ чрезъ Балканы бѣдствовала, кажется, больше, чѣмъ мы. По крайней мѣрѣ онъ жаловался намъ, что уже четыре дня не обѣдалъ.

24 февраля. Въ прошлую ночь у насъ украли со двора послѣдняго еще не проданнаго осла, того самаго, который въ походѣ несъ на себѣ все время нашу дорожную закуску. Я купилъ его еще въ Петрошанахъ и, несмотря на свой невзрачный видъ, — у него обрѣзаны были оба уха, — онъ оказался самымъ сильнымъ и выносливымъ. Вчера мѣстные болгаре нѣсколько разъ торговали его у меня, но мы не сошлись цѣною, а затѣмъ они рѣшили, вѣроятно, приобрести его болѣе выгоднымъ для себя путемъ. Часовъ въ 5 мы съ двумя ротами экипажа выступили къ желѣзнодорожной станціи и прождали здѣсь поѣзда до 9 ч. вечера, что дало намъ время поужинать подъ открытымъ небомъ. На стоящихъ здѣсь вагонахъ расклеенъ циркуляръ Адрианопольскаго генералъ-губернатора Свѣчина, призывающій болгарское населеніе приступить къ обработкѣ полей. Еще до прибытія поѣзда изъ Ямболя мы разсадили нашу команду по запаснымъ вагонамъ, по 40 чел. въ каждый; эти вагоны были прицѣплены къ поѣзду. А мы, почти съ бою, заняли вагонъ I класса, предназначенный для офицеровъ, какъ только прибылъ поѣздъ. При недостаткѣ мѣстъ, намъ пришлось ѣхать въ большой тѣснотѣ.

25 февраля. Заснуть въ вагонѣ почти не удалось. Въ 7-мъ часу утра поѣздъ нашъ уже приближался къ Адрианополю, который однако еще скрытъ былъ за холмистою возвышенностью и обширными фруктовыми садами. Наконецъ, проѣхавъ чрезъ мостъ на р. Адръ, при впаденіи ея въ Марицу, мы увидали сквозь чащу деревьевъ высокіе и стройные минареты Адрианополя. Около 8-ми час. мы прибыли на станцію: она находится верстахъ въ двухъ отъ города, на западной его сторонѣ. Здѣсь толпилась самая пестрая и многолюдная публика. Большинство ея составляли военные: гвардейскіе маршевые баталіоны и офицеры всевозможныхъ полковъ и родовъ оружія. Кромѣ того, здѣсь вертѣлось множество турецкихъ семействъ со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ: они перебираются отсюда на югъ. Нашей ротѣ пришлось провозиться часа три съ выгрузкою обоза. Когда онъ былъ наконецъ заложенъ, мы вмѣстѣ съ нимъ тронулись въ городъ по шоссе. Адрианополь расположенъ по склону холмовъ, при сліяніи Тунджи и Марицы; чрезъ обѣ эти рѣки перекинуты массивные каменные мосты. Общій видъ города, утопающаго въ садахъ, довольно живописенъ. Хорошее впечатлѣніе онъ производитъ и внутри: главныя улицы его широки, чисты и хорошо вымощены. Дома большею частью изъ бѣ-

лаго камня и много красивых мечетей. Сначала мы проходили мимо обширных турецких кладбищъ, расположенныхъ на окраинѣ города. За вторымъ мостомъ начинается греческій кварталъ. Къ вступленію русскихъ войскъ въ Адрианополь мѣстные греки воздвигли здѣсь триумфальную арку, украшенную русскими національными флагами и зеленью, съ надписью: „Ζήτο“ (Живіо). Въ центрѣ города, на самомъ видномъ мѣстѣ—на холмѣ возвышается величественное зданіе въ чисто византійскомъ стилѣ. Это большая мечеть султана Селима (Джами-султанъ Селимъ), бывшая нѣкогда православнымъ храмомъ, лучшей эпохи византійскаго зодчества. Къ счастью, внѣшняя архитектура этого памятника испытала мало измѣненій: четыре стройныхъ минарета, поставленные при Селимѣ по угламъ его, не портятъ общаго вида зданія. На главной улицѣ мы проходили мимо другой мечети, носящей названіе *Utz - Erifils*. Это уже вполне турецкая постройка причудливой архитектуры, отдаленно напоминавшая намъ нашъ московскій соборъ Василия Блажнаго. Каждый изъ 4-хъ минаретовъ этой мечети построенъ различно: одинъ—граненый, другой—витой, третій—пестрый и четвертый—гладкій. Рядомъ съ описанною мечетью находится „конакъ“ губернатора—большое двухэтажное зданіе съ обширнымъ дворомъ и флигелями. Здѣсь помѣстился на дневку весь нашъ батальонъ. Офицерамъ отвели просторныя комнаты, повидимому служившія раньше административнымъ учрежденіямъ: онѣ перегорожены рѣшетками и имѣютъ по стѣнамъ турецкіе диваны. Послѣ болгарскихъ хатъ такое помѣщеніе для насъ—небывалая роскошь. Несмотря на утреннее утомленіе, мы цѣлый день бродили по городу, представлявшему для насъ много интереснаго. Все наше офицерство согласилось завтракать и обѣдать вмѣстѣ, въ гостиницѣ „Москва“, которую содержитъ здѣсь грекъ. Кухня—русская и очень хорошая. Мы посѣтили между прочимъ турецкій базаръ, гдѣ встрѣчаются очень характерные типы. Не мало попадаетъ фizioноміей самыхъ башибузукскихъ. Впрочемъ, оружія никто здѣсь не носитъ, по крайней мѣрѣ на показъ. Нѣкоторыми турецкими типами нельзя не залюбоваться: часто встрѣчаешь рослыхъ и красивыхъ людей съ мужественными чертами лица. Особенно типичны выходцы изъ Малой Азіи, представители горныхъ племенъ уруковъ и зейбековъ, обитающихъ въ Смирнскомъ вилайетѣ. Между ними и вербовались главнымъ образомъ башибузуки, наводившіе страхъ и ужасъ на христіанское населеніе Болгаріи. Всѣ они отличаются гигантскимъ ростомъ и, притомъ, носятъ еще высокій головной уборъ, состоящій изъ фески, обмотанной пестрымъ шелковымъ платкомъ съ кистями, которые свѣшиваются до самыхъ плечъ. Остальной костюмъ ихъ составляетъ расшитая куртка, открытая на груди, и широкій поясъ, доходящій почти до колѣнъ: за этимъ поясомъ носится обыкновенно оружіе и прочее добро. Ноги обуты въ гетры, которые

оставляютъ колѣни обнаженными: это отчасти напоминаетъ шотландскій костюмъ. Во всей фигурѣ такого азіата выражается что-то дикое, необузданное и невольно приходятъ на мысль всѣ тѣ звѣрства, которыя въ послѣднее время доставили этимъ современнымъ варварамъ столь печальную извѣстность.

Осматривали мы также знаменитую мечеть Селима. Внутренность ея не менѣе замѣчательна, чѣмъ внѣшній видъ. Мы вошли сначала на внутренній дворъ мечети, вымощенный бѣлымъ мраморомъ, съ красивымъ, будто кружевнымъ фонтаномъ посрединѣ. Вокругъ двора устроена крытая галлерей съ колоннадою и 12-ю плоскими куполообразными крышами. Фасадъ мечети, выходящій на этотъ дворъ, очень величественъ; главные двери — роскошной рѣзной работы. Войдя во внутренность мечети, мы не могли скрыть нашего восхищенія. Чрезвычайно высокій главный куполъ придаетъ этому чудному зданію что-то необыкновенно легкое и воздушное. Плафонъ его испещренъ сверкающими позолотою и красками арабскими надписями: онѣ кажутся какъ бы тончайшею вышивкой. Мечеть освѣщается, кромѣ оконъ купола, еще въ два свѣта большими тройными окнами византійскаго стиля. Хоры, на аркадахъ, идутъ вдоль стѣнъ. Бросается въ глаза окруженное золотою рѣшеткою мѣсто для султана и его гарема, а съ противоположной стороны — мѣсто главнаго улема подъ раззолоченнымъ навѣсомъ: къ этому послѣднему ведетъ мраморная лѣстница съ ажурными украшеніями. Полукруглый выступъ мечети, служившій нѣкогда алтаремъ христіанскаго храма, изукрашенъ теперь кафельной работой съ роскошнѣйшими арабесками. Здѣсь хранятся какія-то священные одежды и книги Корана: предъ ними поставлены двѣ громадныя и массивныя восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Убранство мечети дополняется цѣлою стѣюю висячихъ разноцвѣтныхъ лампадъ, а полъ ея устланъ мягкими пальмовыми циновками, по которымъ правовѣрные мусульмане ходятъ не иначе, какъ разувши. Теперь здѣсь свободно расхаживаютъ группы нашихъ солдатиковъ и матросовъ, которые не снимаютъ здѣсь своихъ походныхъ сапогъ и дѣлаютъ вслухъ свои замѣчанія, что сильно коробитъ старыхъ заядлыхъ турокъ, читающихъ свои молитвы въ уединенномъ углу мечети.

Въ заключеніе нашего осмотра мы влѣзали на одинъ изъ 4-хъ минаретовъ мечети Селима и отсюда любовались чуднымъ видомъ на Адрианополь и его окрестности съ высоты птичьяго полѣта.

Вернувшись въ конакъ, я побывалъ на засѣданіи происходившаго въ томъ же зданіи военно-полевого суда по дѣлу объ убійствѣ полковника Л.-гв. Волынскаго полка Офросимова двумя турками здѣсь, въ Адрианополѣ. Одинъ изъ убійцъ, по имени Арабъ, имѣетъ самый разбойничій и свирѣпый видъ. Онъ самъ сознался на судѣ, что перерѣзалъ не мало болгаръ въ Ени-Загрѣ, когда былъ еще

башибузукомъ. Товарищъ его — еще молодой турокъ, повидимому подпавшій подъ его вліяніе. Убіиство полковника имѣло цѣлью ограбленіе и совершено было на кладбищѣ, послѣ чего тѣло убитаго брошено было въ колодезь. Преступленіе это обнаружено было одною дѣвочкой. Судъ приговорилъ убійцъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, къ чему они отнеслись съ удивительнымъ равнодушіемъ, какъ будто дѣло касалось не ихъ.

Кстати будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о нынѣшней военно-полицейской администраціи, введенной нами въ Адрианополь. Занимающія городъ войска 9-го армейскаго корпуса образуютъ въ то же время и полицію. Въ каждомъ кварталѣ расположена рота, командиръ которой есть и полицейскій начальникъ квартала. Взводы со своими командирами несутъ ту же обязанность въ околоткахъ. Такимъ образомъ по первой тревогѣ войска могутъ быстро сосредоточиваться, гдѣ нужно. Ротные и взводные командиры имѣютъ еще въ помощь переводчиковъ и полицейскихъ по выбору отъ мѣстнаго населенія какъ турецкаго, такъ и христіанскаго. Кромѣ того, исполнительною полиціей служатъ здѣсь жандармы. Говорятъ, турки очень довольны существующимъ здѣсь теперь порядкомъ и находятъ русское правосудіе болѣе доступнымъ, чѣмъ прежде, гдѣ безъ денегъ нельзя было и показываться въ суды.

Остается сказать два слова о новостяхъ дня. Завтра первая половина экипажа отправится по жел. дорогѣ въ Стефанъ — мѣстечко близъ Константинополя на Мраморномъ морѣ, гдѣ теперь находится главная квартира Великаго Князя Главнокомандующаго. Тамъ, кажется, мы и будемъ находиться, какъ говорятъ, для постановки минъ на Босфорѣ. Обозъ свой мы оставляемъ здѣсь.

27 февраля. Сан-Стефано. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Адрианополь наши остальные двѣ роты сегодня въ 11 час. утра тронулись въ дальнѣйшій путь. Желѣзная дорога отсюда принимаетъ направленіе къ югу и проходитъ по совершенно ровной и однообразной мѣстности. Кое-гдѣ виднѣются незначительныя турецкія села. Только въ одномъ мѣстѣ это однообразіе оживилось красивымъ видомъ. На возвышенности видѣлись развалины большого замка средне-вѣковой архитектуры съ зубчатыми стѣнами и башнями. У подножія этого замка, напоминающаго феодальныя постройки Запада, раскинулось селеніе съ небольшою мечетью. Около 3-хъ часовъ дня прибыли мы на станціи Узунъ-Кёпри, откуда дорога поворачиваетъ къ востоку. Далѣе проѣзжали мимо городовъ Лула-Бургась и Чорлу: оба они расположены въ сторонѣ отъ желѣзной дороги. На послѣдней станціи, гдѣ мы были часовъ въ 8 вечера, оказался какой то первобытный буфетъ, который не могъ удовлетворить волчьихъ аппетитовъ и десятой доли голодныхъ пассажировъ поѣзда. Кушанье до-

бывалось здѣсь буквально съ бою, но было при этомъ весьма сомнительнаго качества.

28 февраля. Проснувшись съ разсвѣтомъ, увидали мы изъ окна вагона только что открывшуюся темно-синюю полосу Мраморнаго моря, а за нею дальнія очертанія Малоазійскаго берега. Вскорѣ желѣзная дорога подошла къ самому морскому берегу: прибрежные буруны съ шумомъ разбивались у самой насыпи. По другую сторону дороги возвышалась горная цѣпь съ красивымъ лиловатымъ оттѣнкомъ. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы, наконецъ, приблизились къ конечной цѣли нашего дальняго путешествія съ береговъ Дуная: предъ нами открылось живописное мѣстечко Санъ-Стефано, находящееся въ 7-ми верстахъ отъ Константинополя, на берегу Мраморнаго моря. При всей своей незначительности, оно заключаетъ однако красивые каменные дома, нѣсколько церквей и сады, въ которыхъ виднѣются тамъ и сямъ группы кипарисовъ. Конечно, главную красоту этого вида составляетъ море, омывающее набережную мѣстечка. На рейдѣ увидали мы нѣсколько пароходовъ Русскаго Общества и знакомую намъ изящную профиль царской яхты „Ливадія“, превращенной теперь, на время войны, въ пароходъ активной обороны. Со стороны желѣзной дороги раскинулся большой лагерь л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Здѣсь же, поблизости сталъ лагерь и нашъ Гвард. экипажъ, а офицерство временно размѣстилось въ большомъ каменномъ домѣ съ садомъ, на краю мѣстечка. Это послѣднее настолько незначительно, что пройти его вдоль и поперекъ оказалось не труднымъ. Оно переполнено многочисленнымъ персоналомъ нашей Главной квартиры и гвардейскими офицерами расположенныхъ здѣсь полковъ. Великій Князь Главнокомандующій живетъ въ большомъ трехъэтажномъ домѣ, который выходитъ фасадомъ на незначительную площадь. Въ двухъ шагахъ отсюда находятся лучшія мѣстныя гостиницы, гдѣ можно найти очень хорошій столъ, но, къ сожалѣнію, платя за все баснословно дорого. Изъ нихъ гостиница S. Stefano выходитъ окнами прямо на море, которое непрерывно шумитъ, разбиваясь бурунами на прибрежныхъ скалахъ. Небольшая пристань оживляется нѣсколькими пассажирскими пароходами, совершающими ежедневные рейсы между Константинополемъ и Родосто, мѣстечкомъ на берегу Мраморнаго моря, гдѣ стоитъ теперь гвардейская кавалерія. Самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ С.-Стефано служитъ небольшая набережная; она переполнена весь день гуляющимъ офицерствомъ. Здѣсь же толпятся торговцы со всевозможными бездѣлушками, являющіеся сюда изъ Константинополя въ надеждѣ на бойкую торговлю. Отсюда открывается красивый видъ на скалистые Принцевы острова, за которыми теперь скрываются броненосцы англійской эскадры. По вечерамъ на этой набережной играютъ поочередно хоры военной музыки гвардейскихъ частей.

Встрѣтился я тутъ съ нѣкоторыми знакомыми, между прочими съ П. В. Неклюдовымъ. Онъ состоялъ личнымъ секретаремъ только что скончавшаго здѣсь, въ С.-Стефано, отъ тифа князя В. А. Черкаскаго. Это весьма чувствительная потеря для юной Болгаріи, устройенію которой покойный князь посвятилъ свои лучшія силы, жертвуя здоровьемъ. Говорятъ, на мѣсто кн. Черкаскаго главою гражданскаго управленія Болгаріи назначенъ будетъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, но едва ли онъ его сможетъ замѣнить во многихъ отношеніяхъ. Отъ Неклюдова я узналъ подробности о послѣднихъ дняхъ жизни покойнаго князя, при которомъ онъ все время находился. У газетчика я купилъ юмористическую карту Европы, на которой Россія представлена въ видѣ гигантскаго спрута, обхватившаго Турцію. Это, вѣроятно, англійское или австрійское остроуміе на нашъ счетъ. Сегодня посѣтилъ нашъ лагерь находящійся при Главной квартирѣ извѣстный вице-адмиралъ Поповъ (строитель Поповокъ), а позднѣе—самъ Великій Князь Главнокомандующій. Онъ вызывалъ изъ фронта нашихъ Свѣтланскихъ.

1 марта. День вышелъ для насъ, младшихъ офицеровъ экипажа, неудачный. Съ утра погода нахмурилась и вскорѣ зарядилъ дождь; а тутъ еще пришла неутѣшительная для насъ новость, что придется немедленно очищать занятое нами помѣщеніе, которое предназначено для награднаго отдѣленія при Главной квартирѣ. Намъ при этомъ объявили, что кромѣ палатокъ, для насъ едва ли найдется гдѣ-нибудь пристанище при заполненности всѣхъ домовъ въ С.-Стефано. На бѣду, въ лагерь нашемъ, расположенномъ между желѣзнодорожнымъ полотномъ и городомъ, на совершенно сыромъ мѣстѣ, теперь стояла одна сплошная лужа и глинистая почва совсѣмъ размылась отъ проливного дождя. Положеніе наше становилось весьма незавиднымъ; мы буквально не знали, куда дѣваться. Но тутъ явился намъ на выручку совершенно неожиданно одинъ русскій священникъ, состоявшій при покойномъ князѣ Черкасскомъ и съ которымъ мы случайно встрѣтились. Отецъ Николай Пономаревъ, такъ зовутъ этого священника, предложилъ намъ занять завтра его небольшую квартиру, такъ какъ онъ самъ вскорѣ уѣзжаетъ въ Россію. Конечно, мы ухватились за это любезное предложеніе, какъ утопающіе за соломинку, и, не дождавшись утра, перебрались въ найденное пристанище. Въ одну крошечную каморку въ старомъ деревянномъ двухъэтажномъ домикѣ насъ набралось пятеро; но мы были счастливы, что могли здѣсь разлечься спать на полу, а не на сырой глинѣ, хотя и съ меньшимъ удобствомъ, чѣмъ, бывало, въ болгарской хатѣ.

2 марта. Мы устроились довольно сносно въ новомъ нашемъ помѣщеніи и уже не въ такой тѣснотѣ, какъ вчера; двое изъ нашихъ нашли себѣ другую квартиру, а мы остаемся здѣсь втроемъ:

Аренсъ, Тиле и я. Впрочемъ, священникъ о. Пономаревъ еще отложилъ свой отъѣздъ, но мы его, кажется, не слишкомъ стѣснили.

Сегодня здѣсь распространился слухъ, что съ 8 марта начнется посадка гвардіи на суда для перевозки моремъ въ Россію. Въ теченіе трехъ недѣль надѣются перевезти всю гвардію и гренадерскій корпусъ. Что же касается насъ, то слышно, что экипажъ переведутъ отсюда въ Буюкъ-дере, гдѣ будемъ ожидать исхода мирной конференціи и находиться въ готовности къ постановкѣ минъ на Босфоръ въ случаѣ какого-либо политическаго осложненія. Гальваническія мины уже доставлены сюда изъ Чернаго моря вице-адмир. Поповымъ и специалистомъ по минной части кап. 1 ранга Верховскимъ. Этимъ слухамъ мы почти обрадовались, такъ какъ до сихъ поръ пребываніе здѣсь намъ что-то не улыбается. Нигдѣ еще нашей командѣ и офицерамъ не приходилось такъ бѣдствовать, какъ здѣсь, въ С.-Стефанѣ. Лагерь сегодня пришлось перенести на болѣе возвышенное мѣсто, за полотномъ желѣзной дороги, такъ какъ прежнее мѣсто его превратилось отъ дождей въ настоящую топь. Многіе наши офицеры еще не нашли себѣ квартиръ и ночуютъ, гдѣ попало. Деньги у всѣхъ на исходѣ вслѣдствіе страшной дороговизны здѣшнихъ ресторановъ, гдѣ только и можно найти что-нибудь съѣстное. Близость весенняго равноденствія уже даетъ себя чувствовать. Какъ во всѣхъ приморскихъ мѣстностяхъ, оно сопровождается бурною и дождливою погодой. На улицахъ мѣстечка грязь невылазная.

9 марта. Минувшая недѣля прошла крайне безцвѣтно. Трудно повѣрить, что мы находимся здѣсь при Главной квартирѣ нашей побѣдоносной арміи, въ такомъ уголкѣ свѣта, куда обращены теперь взоры всей Европы. Тяжело переживать періодъ неизвѣстности относительно ближайшаго будущаго. Что ни день, то новые тревожные слухи, которые отдаляютъ надежду на скорое наше возвращеніе въ Россію. 8-го марта, какъ я уже упоминалъ, предполагалось начать перевозку гвардіи въ Россію на пароходахъ Русскаго Общества. Расписаніе отправки было уже объявлено и гвардейцы спѣшили спускать послѣдніе свои золотые въ С.-Стефано, празднуя близкое возвращеніе домой. Но вдругъ все измѣнилось: посадка войскъ была неожиданно отмѣнена; сначала говорили, что эта отмѣна временная, но затѣмъ стало извѣстно, что Великій Князь Главнокомандующій сказалъ кап. 1 р. Зеленому: „твои пароходы не будутъ больше нужны“. Какъ слышно, Англія воспротивилась перевозкѣ нашихъ войскъ изъ Буюкъ-дере; на-дняхъ разнесся даже тревожный слухъ, что она поставила ультиматумъ: если мы не уйдемъ за Адрианополь, то она объявитъ намъ войну. Находящійся здѣсь германскій военный агентъ, полковникъ Лигницъ высказался на-дняхъ кому то, что политическій горизонтъ никогда еще не былъ такъ мраченъ, какъ сейчасъ. Боже мой! неужели мало одной кровопролитной войны

и новая становится неизбежною? Въ подобныхъ политическихъ осложненіяхъ есть что то угнетающее. Чувствуешь себя ничтожнымъ атомомъ той массы человѣческихъ жизней, которыя брошены въ водоворотъ политической бурею. Есть ли тутъ еще мѣсто для личныхъ плановъ и надеждъ?

Погода все еще стоитъ холодная и дождливая. Въ нашей каморкѣ, несмотря на тѣсноту, приходится цѣлый день согрѣваться жаровнею. Неохотно выходишь въ такое ненастье на улицу и то лишь для того, чтобы пообѣдать. Нашъ сожитель, священникъ о. Николай—очень симпатичная и интересная личность и съ большою энергіей. Онъ вызванъ былъ покойнымъ кн. Черкасскимъ изъ Екатеринбурга, чтобы занять мѣсто въ Болгаріи по административной части. Послѣ кончины князя онъ едва было не остался здѣсь безо всякаго дѣла, такъ какъ помощникъ князя, генераль Анучинъ, отнесся къ нему недоброжелательно, и онъ собирался было уже уѣзжать. Но кн. Дондуковъ-Корсаковъ удержалъ его здѣсь и успокоилъ насчетъ обѣщаннаго ему назначенія. Въ настоящее время о. Николай занять пересмотромъ дѣлъ болгарскихъ земледѣльческихъ банковъ. Такіе банки, или кассы, находились въ каждомъ санджакѣ и учреждены были въ Болгаріи въ 1866 году Мидхамомъ-нашей. Турецкое названіе этихъ кассъ: *мунафиу сандуги*; онѣ образовались изъ обязательнаго взноса 20-ти окъ жита съ каждой пары воловъ или лошадей. Цѣлью учрежденія ихъ было, во-первыхъ, дать сельскому населенію возможность дѣлать займы за сравнительно небольшіе проценты (сначала изъ 13%, а затѣмъ изъ 9-ти), а во-вторыхъ, образовать изъ взимаемыхъ процентовъ капиталы на устройство школъ и на улучшеніе дорогъ, мостовъ и фонтановъ. Къ сожалѣнію, столь полезная цѣль рѣдко достигалась на дѣлѣ, такъ какъ значительная часть собиравшихся денегъ уходила въ карманы турецкихъ чиновниковъ. При занятіи Болгаріи нашими войсками большинство упомянутыхъ кассъ оказалось расхищенными турецкою администраціей, а отъ многихъ и совсѣмъ слѣдовъ не осталось. Поэтому одною изъ первыхъ заботъ кн. Черкасскаго было собрать свѣдѣнія о существующихъ кассахъ въ Систовѣ, Сельви, Тульчѣ, Никополѣ и т. д. Въ ближайшемъ будущемъ ихъ предполагается снова открыть, но, конечно, на болѣе выгодныхъ основаніяхъ для населенія, чѣмъ было при туркахъ. Много турецкаго имущества будетъ теперь продано для пополненія суммъ, похищенныхъ изъ этихъ кассъ.

7-го марта, обѣдая съ товарищами въ ресторанѣ *S.-Petersbourg*, я совершенно неожиданно встрѣтился здѣсь съ только что прибывшимъ изъ Россіи моимъ родственникомъ П. А. Васильчиковымъ. Онъ недавно возвратился изъ Черногоріи, гдѣ былъ уполномоченнымъ Краснаго Креста во время войны. Отъ него узналъ я, что А. П. Давыдовъ, принявшій съ такимъ самоотверженіемъ опасный

постъ во Фратешти, тяжело занемогъ тамъ тифомъ. П. А. Васильчиковъ прибылъ сюда, въ С.-Стефано, чтобы сопровождать въ Россію тѣло покойнаго князя Черкаскаго, который женатъ былъ на его родной сестрѣ. Кромѣ этого близкаго свойства, его соединяли съ княземъ тѣсная дружба и служеніе одинаково дорогой имъ славянской идеѣ. Вечеръ мы провели вмѣстѣ у П. В. Неклюдова, въ той самой квартирѣ, на набережной, гдѣ скончался князь Черкасскій. На слѣдующее утро Васильчиковъ отбылъ въ Россію на пароходѣ, куда перевезенъ былъ прахъ покойнаго князя, столь много потрудившагося на пользу освобожденной Болгаріи. Великій Князь Главнокомандующій въ скоромъ времени предполагаетъ посѣтить султана въ Константинополь. Онъ отправится туда на яхтѣ „Ливадія“, въ виду чего уже назначенъ отъ нашего экипажа почетный караулъ изъ самыхъ красивыхъ матросовъ и георгіевскихъ кавалеровъ.

10-го марта. Сегодня праздновался въ Главной квартирѣ очень демонстративно день рожденія германскаго императора. По этому случаю прибылъ сюда изъ Константинополя германскій посолъ принцъ Рейссъ. На площадкѣ, около дома Главнокомандующаго играло нѣсколько хоровъ военной музыки и пѣли хоры пѣсенниковъ разныхъ полковъ. Вечеромъ нѣкоторые дома были иллюминированы. Политическіе слухи стали болѣе успокоительными: съ Англіей, какъ слышно, дѣло улаживается. Опять идетъ рѣчь о посадкѣ нашихъ войскъ на пароходы.

13 марта. Великій Князь Главнокомандующій отправился сегодня въ Константинополь на „Ливадію“, которую конвоируетъ военный пароходъ „Константинъ“. На эти суда еще вчера перевезенъ былъ почетный караулъ отъ Гвард. экипажа со знаменемъ. Погода стоитъ прекрасная и море, представлявшее еще вчера значительное волненіе, сегодня стихло.

15 марта. Ночью разразилась сильная гроза, послѣ которой опять пошли дожди. Получивъ разрѣшеніе отъ начальства, собрался я сегодня съѣздить въ Константинополь съ мичманомъ Аренсомъ. Рапо утромъ отправились мы на станцію желѣзной дороги, переодѣвшись въ штатское платье, и выѣхали съ первымъ поѣздомъ. На слѣдующей станціи, Макри-кюй, мы миновали демаркаціонную линію, по которой выставлены цѣпи—наша и турецкая. Граница эта существуетъ, конечно, только въ принципѣ, а на самомъ дѣлѣ войска наши съ турецкими имѣютъ свободное общеніе. Недавно нашимъ офицерамъ разрѣшены даже поѣздки въ турецкую столицу въ военной формѣ. Слѣдуя далѣе въ восточномъ направленіи, желѣзная дорога проходитъ уже по предмѣстьямъ Стамбула: Зейтинъ-бурну, Ени-куле, Псаммитія, Ени-капу и Кумъ-капу. Всѣ эти предмѣстья, расположенныя по самому берегу моря, входятъ въ черту городскихъ стѣнъ древней Византіи, которыя представляютъ въ настоящее время

лишь величественныя развалины. Толстыя зубчатыя стѣны и кое-гдѣ уцѣлѣвшія башни живописно перемѣшиваются здѣсь съ оригинальными постройками турецкихъ кварталовъ, нѣсколько напоминающими голубятни: онѣ чрезвычайно узки и высоки, со множествомъ оконъ. Конечная станція желѣзной дороги находится въ самомъ Стамбулѣ, т. е. въ турецкой части города. Прибывши сюда, мы переправились на канкъ чрезъ заливъ Золотого Рога между многочисленными пародами и военными станціонерами всѣхъ европейскихъ морскихъ державъ. На всѣхъ этихъ судахъ подняты были на мачтахъ русскіе національные флаги, по случаю прибытія на рейдъ нашего Главнокомандующаго. Въ заливѣ царитъ необычайное оживленіе: множество пассажирскихъ пароходовъ шныряетъ взадъ и впередъ, развозя массы народа по различнымъ мѣстамъ Константинополя и Босфора. Мы высадились въ Галатѣ, около обширнаго султанскаго дворца Дольма-бахче: передъ нимъ стоитъ теперь на якорѣ яхта „Ливадія“, на которой прибылъ сюда Великій Князь Николай Николаевичъ. Въ одномъ изъ узкихъ переулковъ Галаты разыскали мы подворье русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, гдѣ рѣшили остановиться по совѣту нашего сожителя о. Николая. Монахи приняли насъ очень радушно. За время войны имъ пришлось пережить не мало тревожныхъ дней, опасаясь враждебныхъ выходовъ не только со стороны турецкаго населенія, но и грековъ. На случай нападенія на подворье монахи въ то время готовились даже выдержать осаду и заготовили запасы галетъ и оружіе; но до этого къ счастью дѣло не дошло. Только съ прибытія нашихъ войскъ къ стѣнамъ Константинополя монахи могли наконецъ свободно вздохнуть и теперь рады каждому русскому, посѣщающему ихъ подворье. Оно учреждено съ цѣлью давать пріютъ многочисленнымъ богомольцамъ, которые обыкновенно отправляются изъ Россіи чрезъ Константинополь къ св. мѣстамъ Востока. Настоятель подворья, о. Владиміръ, чрезвычайно симпатичная личность съ пріятными чертами лица: онъ уроженецъ Малороссіи. Хозяйствомъ подворья и пріемомъ гостей завѣдуетъ о. Вассой—коренной русакъ, изъ Уральскихъ казаковъ, раньше онъ былъ раскольниковъ. Насъ угостили чаемъ съ баранками и отвели намъ просторную и свѣтлую комнату: изъ оконъ ея открывается чудный видъ на оконечность Золотого Рога съ его величественными дворцами и мечетями, утопающими въ темной зелени кипарисовыхъ садовъ. Пока мы еще сидѣли за чаемъ, бесѣдуя съ монахами, посѣтилъ ихъ престарѣлый греческій митрополитъ Нилъ. Онъ раньше былъ епископомъ въ Египтѣ, а послѣднее время, лишившись кathedры вслѣдствіе интригъ Фанара, жилъ на Аѳонѣ и здѣсь сталъ было отстаивать интересы русскихъ монастырей отъ посягательствъ грековъ. Такая смѣлость навлекла на него новыя гоненія со стороны патріархіи и его продержали даже нѣкоторое

время въ заключеніи и обязали болѣе не возвращаться на Аѳонъ. Вообще за время послѣдней войны, по словамъ монаховъ, церковныя отношенія нашихъ Аѳонскихъ монастырей къ грекамъ очень обострились и нельзя не желать полного освобожденія русскихъ святогорскихъ монастырей отъ патріархіи.

О. Вассой рекомендовалъ намъ путешественника—серба, подъ руководствомъ котораго мы начали осматривать достопримѣчательности города. По широкой Галатской улицѣ, изобилующей греческими кофейнями и лавками, торгующими халвой и лукумомъ, мы вышли къ большому деревянному мосту, который соединяетъ эту часть города со Стамбуломъ. Мостъ этотъ служитъ одновременно и пристанью для пассажирскихъ пароходовъ, которые поддерживаютъ сообщеніе съ окрестностями. Входя въ турецкій кварталъ, сразу попадаешь въ неимоверную давку. Узкія улицы, по которымъ проходитъ еще трамвай, переполнены самою пестрою толпой. Часто проходятъ здѣсь цѣлые караваны вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ товарами, или такъ называемые хамалы—носильщики, которые съ крикомъ „варда“ (берегись) проносятъ на длинныхъ слегахъ большіе тюки и бочки, нерѣдко сбивая съ ногъ недостаточно внимательныхъ къ ихъ предупреденію прохожихъ.

Стамбулъ теперь переполненъ массою бѣглецовъ изъ всѣхъ провинцій Европейской Турціи, такъ что населеніе здѣсь болѣе, чѣмъ удвоилось. Многіе, конечно, остаются безъ пріюта и живутъ на улицахъ. Женщинъ здѣсь встрѣчаешь не менѣе, чѣмъ мужчинъ; бросаются въ глаза ихъ пестрыя одѣянія, преимущественно краснаго и зеленаго цвѣтовъ, или же полосатыя. Лица женщинъ закрыты до глазъ, но тонкая ткань позволяетъ различать и прочія черты ихъ лицъ. Большую часть времени мы посвятили осмотру турецкихъ базаровъ. Они представляютъ цѣлый лабиринтъ крытыхъ сверху узкихъ улицъ, въ которомъ безъ путешественника легко заблудиться. Особенно заинтересовалъ насъ такъ называемый Безестень: это та часть базара, гдѣ продается старинное оружіе и попадаютъ нерѣдко хорошіе клинки дамасской стали. Только мелькомъ удалось намъ сегодня видѣть величественныя зданія св. Софіи и св. Ирины, превращенныя въ мечети, обелискъ императора Θεодосія и пышныя гробницы султановъ Махмуда и Азиза. Внѣшній видъ св. Софіи не произвелъ на меня ожидаемаго впечатлѣнія: множество пристроекъ, минаретовъ и оградъ совершенно заслоняютъ древній фасадъ собора, нарушая изящество его архитектурныхъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть во внутренность зданія, которое теперь служитъ военнымъ госпиталемъ для тифозныхъ больныхъ. Обѣдали мы въ одной изъ гостиницъ европейскаго квартала Перы, куда проведена проволочная желѣзная дорога, поднимающаяся по тоннелю круто въ гору.

16 марта. Сегодня чудный весенний день. При ярком солнечном освещении Золотой Рогъ представляется несравненно прекраснѣе, чѣмъ вчера, въ дождливую погоду. Съ плоской крыши Аѳонскаго подворья, на которой устроена небольшая церковь, открывается обширный видъ на оба берега залива. Влѣво, на горѣ возвышаются красивыя европейскія зданія Перы, а ниже—оживленная Галата съ ея средневѣковою башнею. По другую сторону залива выдвигается въ лазурную поверхность Мраморнаго моря оконечность Сералья съ ея кипарисовыми рощами. Далѣе, по берегу Босфора виднѣется обширный арсеналъ Топъ-хане съ красивою башнею, а за нимъ бѣлѣетъ мраморный дворецъ Дольма-бахче и высится мечеть Орта-кюй; ступени этихъ зданій омываются струями Босфора.

Съ утра сдѣлали мы небольшую прогулку по Стамбулу, гдѣ осмотрѣли музей старинныхъ турецкихъ костюмовъ, преимущественно янычаръ. Остальную часть дня посвятили экскурси по Босфору на пароходѣ. Одинъ за другимъ промелькнули передъ нами роскошныя султанскіе дворцы Дольма-бахче, Чераганъ и Бейлербей¹⁾; далѣе—красивыя загородныя виллы (*яли*) турецкихъ сановниковъ; наконецъ, непрерывный рядъ живописныхъ и оживленныхъ мѣстечекъ, которыя отражаются въ лазури этого единственнаго въ мірѣ по своей красотѣ пролива. Въ Бебекѣ указали намъ нынѣшнюю резиденцію вернушагося изъ плѣна героя Плевны—Гази-Османа-паши. Пароходъ доставилъ насъ въ Буюкъ-дере, откуда уже виденъ конецъ Босфора и выходъ въ Черное море. Здѣсь мы сошли на берегъ и посѣтили лѣтнее помѣщеніе нашего посольства, окруженное обширнымъ садомъ съ красивыми итальянскими соснами. Въ ожиданіи обратнаго парохода мы зашли въ греческое кафе на берегу моря и встрѣтили здѣсь двухъ офицеровъ 9-й дивизіи (они были, какъ и мы, въ штатскомъ). Мы разговорились съ ними о дѣлѣ Мирекаго у Елены, въ которомъ они принимали участіе. Вернувшись въ Перу, обѣдали мы здѣсь въ Hôtel Luxembourg. Сегодня мѣстныя газеты сообщаютъ очень тревожныя вѣсти о натянутыхъ отношеніяхъ между нами и Англіей. Новость дня—отставка министерства лорда Дерби и призывъ резервовъ въ Англіи. Снова какъ будто запахло порохомъ.

17 марта. Погода сегодня совершенно лѣтняя. Часовъ въ 10 утра отправились мы въ сопровожденіи нашего путеводаителя смотрѣть на такъ наз. *селямликъ*, т. е. торжественный выѣздъ султана въ мечеть по случаю пятницы. Большая Галатская улица представляла необычное оживленіе. Турецкое населеніе столицы спѣшило въ мечети, кто въ экипажѣ, кто верхомъ, а кто и пѣший. Цѣлые га-

¹⁾ Этотъ послѣдній находится на Малоазійскомъ берегу и предоставленъ султаномъ въ распоряженіе Великаго Князя Главнокомандующаго.

ремы, въ самыхъ яркихъ костюмахъ, также шествовали по тротуарамъ, сопровождаемые безобразными евнухами-неграми. Чтобы не опоздать на церемонію въ Дольма-бахче, мы наняли туда верховыхъ лошадей. Проникнувъ на внутренній дворъ султанской резиденціи, мы протѣснились чрезъ собранныя здѣсь войска различныхъ полковъ турецкой гвардіи и присоединились къ довольно многочисленной группѣ нашего офицерства. Большинство этого послѣдняго было въ штатскомъ, но виднѣлись кое-гдѣ и русскіе мундиры. Между таковыми я замѣтилъ нашего извѣстнаго писателя, лейбъ-уланскаго офицера Всеволода Крестовскаго. Для русскихъ зрителей отведено было мѣсто около гаунтвахты, откуда можно было очень хорошо видѣть всю церемонію султанскаго выѣзда. По сигналу на рожкѣ турецкая гвардія выстроилась на протяженіи двухсотъ шаговъ между внутренними воротами дворца и небольшою дворцовою мечетью, куда султанъ имѣлъ выѣздъ. Противъ насъ выстроилась рота гвардейской инфантеріи въ галунныхъ мундирахъ, весьма напоминающихъ нашихъ пажей. Это сходство увеличивалось еще тѣмъ, что въ строю находились совершенно юные подростки. Рота была при знамени свѣтло-кофейнаго цвѣта съ золотымъ полумѣсяцемъ. По другую сторону проѣзда выстроилась Арабистанская пѣхота, состоящая исключительно изъ чернокожихъ, а далѣе—саперы въ кожаныхъ фартукахъ и морская инфантерія. Прошло съ полчаса въ ожиданіи; въ это время постепенно собирались высшіе сановники, между которыми мнѣ указали моложаваго Реуфа-пашу (съ рыжими усами), только что возвратившагося изъ Петербурга; толстую фигуру Мустафа-паши (съ окладистою черною бородою); умное, выразительное лицо Намыка-паши и, наконецъ, уже знакомаго мнѣ Гази-Османа съ его начальникомъ штаба Тевфикомъ. Раздались звуки второго и третьяго сигнальнаго рожка, по которымъ войска взяли на караулъ и музыка заиграла турецкій національный маршъ. При этомъ изъ воротъ дворца появились сначала адъютанты султана, маршируя въ ногу, а за ними и самъ султанъ Абдуль-Гамидъ на чудномъ арабскомъ конѣ бѣлой масти въ роскошной сбруѣ, блиставшей золотомъ и драгоценными камнями. Султана окружала блестящая свита пашей въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ. Поравнявшись съ войсками, султанъ поздоровался съ ними, на что они отвѣчали громкимъ привѣтствіемъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ легкій поклонъ и въ нашу сторону, замѣтивъ вѣроятно русскіе мундиры. Мнѣ удалось хорошо разглядѣть внѣшность султана. Хотя ему не болѣе 35-ти лѣтъ, но онъ кажется гораздо старше. Продолговатое лицо его, окаймленное черною бородою, съ рѣзко очерченными бровями и большимъ носомъ, имѣетъ апатичное выраженіе. Онъ одѣтъ былъ въ военный плащъ, а на головѣ имѣлъ обыкновенную феску. При входѣ въ мечеть султана встрѣтили Шейхъ-уль-Исламъ и другія духовныя лица съ серебряными ку-

рильницами. Этимъ церемонія селямлика закончилась, и мы поспѣшили отсюда на другое зрѣлище, входившее въ нашу программу дня: смотрѣть дервишей-вертуновъ, которые каждую пятницу совершаютъ свои изувѣрные обряды въ одномъ *теке* (монастырѣ) близъ Перы. Послѣ столь оригинальныхъ, чисто турецкихъ зрѣлищъ, занявшихъ все наше утро, мы только въ 4-мъ часу добрались на наше подворье: уже пора было собираться на пароходъ, отходившій въ С.-Стефано, и мы распростились съ нашими гостепріимными монахами, отблагодаривъ ихъ за радушіе. При чудной, совершенно лѣтней погодѣ пріятно было закончить нашу экскурсію морскимъ переходомъ. Мраморное море было гладко, какъ зеркало, и вполне оправдывало свое названіе. При вечернемъ освѣщеніи Малоазійскій берегъ съ мѣстечками Скутари и Кады-кіой представлялъ особенно красивый видъ. До Макри-кіоя пароходъ нашъ переполненъ былъ солдатами низама, возвращавшимися въ свой лагерь. Черезъ переводчика я имѣлъ съ турками довольно оригинальный разговоръ. Одинъ турецкій солдатъ все добивался узнать, сколько я убилъ турокъ; другой, увидавъ у меня въ рукахъ газету, спросилъ, какія новости. Я объяснилъ ему, что по слухамъ Англія собирается съ нами воевать. Турку это видимо не понравилось. „Вамъ хорошо воевать, сказалъ онъ, когда у васъ есть и пища, и вино, и деньги, а намъ то каково?“.. Говорятъ, турецкія войска не видали жалованья уже съ годъ, если не дольше... Турецкіе солдаты показались мнѣ вообще добрыми ребятами, съ большимъ запасомъ добродушія. Въ 6 час. вечера мы уже находились въ своей крошечной каморкѣ съ запасомъ пріятныхъ впечатлѣній отъ поѣздки нашей въ Константинополь.

21 марта. Мы повидимому пережили за эти дни важный политическій кризисъ, который не замедлитъ, вѣроятно, вскорѣ отзываться и на нашей дальнѣйшей судьбѣ. Извѣстія за послѣднее время становились все болѣе и болѣе тревожными: только и разговору было, что о неминуемой войнѣ съ Англіей. Какъ подобные слухи дѣйствовали на наше настроеніе, было бы излишнимъ объяснять. На-дняхъ эти зловѣщія слухи нашли себѣ какъ-будто подтвержденіе и въ нашей морской средѣ. Великій Князь Главнокомандующій, находившійся до сегодняшняго дня на яхтѣ „Ливадія“, вызвалъ къ себѣ лейтенанта Гвард. экипажа Астромова и возложилъ на него какое то весьма спѣшное порученіе, съ которымъ онъ долженъ отправиться въ Одессу. Онъ будетъ находиться въ распоряженіи кап. 1 р. Новикова, героя переправы. Хотя о характерѣ порученія ходятъ только догадки, но поговариваютъ опять о минахъ, минныхъ катерахъ и т. под. Всѣ эти толки и предположенія ставили въ нѣкоторую связь съ извѣстіемъ газетъ, что вчера ожидалось въ англійскомъ парламентѣ важное рѣшеніе—быть или не быть войнѣ. Понятно, съ какимъ напряженнымъ волненіемъ ожидались у насъ

сегодня дальнѣйшія политическія извѣстія. Къ нашей радости, сегодня приходятъ однѣ добрыя вѣсти: произошелъ, говорятъ, какой то благопріятный кризисъ въ политикѣ и завтра начнется, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, посадка нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, возвращающихся въ Россію. Поговариваютъ еще и объ отъѣздѣ въ скоромъ времени Великаго Князя Николая Николаевича. Не дойдетъ ли чередъ и до насъ, послѣ трехлѣтнихъ нашихъ странствованій по морямъ и сушѣ? Еще порадовало меня сегодня извѣстіе о выздоровленіи послѣ перенесеннаго тифа дорогого мнѣ родного, А. П. Давыдова, полученное изъ Бухареста.

23 марта. Сегодня началась посадка на пароходъ первой военной части, отправляемой моремъ въ Россію, а именно Подольскаго пѣхотнаго полка 14-й дивизіи и пѣшей батареи. Но не такъ представляли мы себѣ эту посадку, ожидавшуюся всѣми съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Теперь стало извѣстно, что при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ объ общей посадкѣ войскъ нѣтъ и рѣчи. Носятся даже довольно упорные слухи, будто Подольскій полкъ отправляется на рискъ и можетъ быть захваченъ англійскими броненосцами, которые поджидаютъ его за Принцевыми островами, имѣя приказъ воспрепятствовать слѣдованію нашихъ военныхъ транспортовъ чрезъ Босфоръ. Увѣряютъ даже, будто Подольцамъ приказано въ этомъ случаѣ сдаваться, чтобы такой захватъ послужилъ намъ какъ *casus belli* съ Англіей. Впрочемъ эти слухи кажутся мнѣ весьма сомнительными. Посадкою войскъ завѣдуетъ нашъ кап.-лейт. М. Г. Веселаго. Подольскій полкъ одинъ изъ первыхъ, вступившихъ въ началѣ войны на турецкую территорію, и имѣетъ въ своихъ рядахъ много георгіевскихъ кавалеровъ. Одновременно съ посадкою Подольцевъ происходила здѣсь сегодня высадка нашихъ русскихъ плѣнныхъ, содержавшихся до сего времени въ Скутари, на малоазійскомъ берегу, въ большой казармѣ, всего человѣкъ до 500. Между ними есть немало кавказцевъ, мало отличающихся своимъ типомъ отъ турокъ, особенно въ ихъ временной турецкой обмундировкѣ. Но большая часть плѣнныхъ—захваченные подъ Еленой Орловцы и Сѣвцы. Видъ они имѣютъ очень истомленный и нездоровый, вѣроятно отъ плохой пищи и недостатка движенія: ихъ держали взаперти, за рѣшетками. Какъ я узналъ, турки вернули намъ только около половины захваченныхъ ими плѣнныхъ. Изъ подъ Елены они гнали ихъ чрезъ Балканы почти раздѣтыми, снявши съ нихъ всю обмундировку, отчего смертность между ними была большая. Въ новое платье нарядили уцѣлѣвшихъ только наканунѣ выдачи ихъ намъ.

27 марта. Какъ моряка, меня давно разбирало любопытство заглянуть въ Измидскую бухту, за Принцевыми островами, гдѣ стоитъ англійская эскадра, которая за послѣднее время столь часто

служила поводомъ для разныхъ сенсационныхъ слуховъ. На этихъ дняхъ мнѣ удалось наконецъ осуществить эту давно задуманную мною рекогносцировку. Поѣздка моя въ Измидъ удалась, какъ нельзя лучше. Получивъ отпускъ, отправился я 25-го марта въ 8 ч. утра на первомъ отходящемъ пароходѣ въ Константинополь. Погода вполне благоприятствовала поѣздкѣ. Утро было совершенно лѣтнее, безоблачное; море гладкое, какъ хрусталь, имѣло какой то золотисто-матовый оттѣнокъ. Изъ легкаго утренняго тумана постепенно выступали, точно по волшебству, зубчатая стѣны и башни Стамбула, а далѣе—его дворцы и мечети. Высадившись на мосту въ Золотомъ Рогѣ, я тотчасъ же сталъ разыскивать другой пароходъ, отправляющійся по субботамъ прямо въ Измидъ. Онъ оказался уже переполненнымъ самою пестрою публикой, преимущественно состоявшей изъ турокъ, черкесъ и армянъ. Мнѣ удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія о предстоящей поѣздкѣ отъ двухъ грековъ, одѣтыхъ по послѣдней европейской модѣ; они также ѣхали въ Измидъ. Я узналъ между прочимъ, что раньше слѣдующаго утра не будетъ возможности выѣхать оттуда обратно. До Измида пароходъ шелъ около 6-ти часовъ, дѣлая всего двѣ непродолжительныя остановки. Все это время я провелъ на верхнемъ мостикѣ, любуясь чудными видами. Мы проходили мимо Скутари и Кады-кюя и далѣе по проливу, между живописными Принцевыми островами и малоазійскимъ берегомъ. Эти четыре острова: Проти, Антигоне, Халки и Принкипо представляютъ высоты, покрытыя сверху до низу садами и виноградниками. Здѣсь въ буквальномъ смыслѣ слова почва благоухаетъ. Самый населенный изъ острововъ—Халки, на которомъ существуютъ двѣ высшія греческія школы—духовная и коммерческая. За островами вдали виднѣется снѣжная цѣпь азіатскаго Олимпа. Миновавъ мысъ Тузла-бурну и греческій городокъ Дереджи, мы вступили въ болѣе узкій проливъ, соединяющій Измидскую бухту съ моремъ. По обѣимъ сторонамъ этого пролива виднѣются рощи зеленѣющихъ маслинъ и разбросанные по живописнымъ крутизнамъ селенія съ красивыми группами темныхъ кипарисовъ. Послѣ непродолжительной остановки въ Карамуссалъ, вошли мы, наконецъ, въ довольно обширный Измидскій заливъ, окруженный горами. Городъ Измидъ—древняя Никомидія—расположенъ по склону горы, влѣво отъ входа въ заливъ. Передъ городомъ, на просторномъ рейдѣ эффектно выдѣлялись грозные броненосцы притаившейся здѣсь англійской эскадры. Ее составляютъ: флагманскій броненосный фрегатъ „*Alexandra*“, брон. фрегаты „*Hercules*“ и „*Téméraire*“ и башенный броненосецъ „*Devastation*“. Начитавшись въ мѣстныхъ газетахъ сенсационныхъ извѣстій, будто англійская эскадра находится все время въ полной боевой готовности и стоитъ подъ парами, имѣя дежурныя паровыя шлюпки, кринолины и проч., я могъ убѣдиться, что ничего подобного на

самомъ дѣлѣ нѣтъ: эскадра представляетъ обычный видъ, даже парового катера нѣтъ на водѣ. Высадившись съ парохода въ Измидъ, я сталъ разыскивать себѣ здѣсь пристанища. Въ этомъ помогъ мнѣ содержатель мѣстнаго ресторана, украшеннаго англійскою вывѣскою „*Duke of Wellington*“. Онъ французъ, по фамилии Késanly, и женатъ на англичанкѣ. Мнѣ предложили здѣсь совершенно англійскій обѣдъ и въ видѣ напитка неизбежное „soda and brandy“. Послѣ этого я еще успѣлъ совершить прогулку по рейду на каикѣ, при чемъ лодочникъ предложилъ мнѣ осмотрѣть поближе англійскую эскадру. На фрегатѣ „*Alexandra*“, къ которому мы подошли, разрѣшили мнѣ даже взойти на палубу броненосца, при чемъ дали провожатаго матроса, не подозрѣвая во мнѣ, конечно, русскаго морского офицера. Вернувшись на берегъ уже въ сумерки, я, по указанію г. Késanly, нашелъ ночлегъ въ одномъ греческомъ домѣ и никуда уже больше не выходилъ въ этотъ вечеръ: меня предупредили, что въ темноту ходить здѣсь по улицамъ небезопасно. Городъ въ настоящее время наводненъ черкесами, перебравшимися сюда изъ Румеліи, и они не стѣсняются грабить по улицамъ въ ночное время, хотя для безопасности и ходятъ по городу военные патрули. На слѣдующее утро, поднявшись довольно рано, я успѣлъ еще побродить по городу, который не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго. Можно здѣсь упомянуть развѣ только о довольно красивомъ султанскомъ кіоскѣ. Поразило меня въ городѣ обиліе англійскихъ вывѣсокъ. Полюбовался я еще разъ на живописную Измидскую бухту съ возвышающимся за нею снѣжнымъ хребтомъ малоазійскаго Олимпа, при чемъ сдѣлалъ набросокъ англійской эскадры въ своей записной книжкѣ¹⁾. Какъ разъ въ это время возвратился на рейдъ изъ Константинополя флагманъ вице-адмиралъ Горнби на вѣстовомъ пароходѣ „*Helicon*“. Около 10 часовъ утра я уже былъ на станціи желѣзной дороги, идущей отъ Измида до Гайдаръ-паша, близъ Скутари, и выѣхалъ съ единственнымъ въ сутки поѣздомъ этой повидимому совершенно бесполезной дороги. Исторія ея такова. Строившій ее Эдхемъ-паша хотѣлъ ею дать доказательство, что Турція можетъ строить желѣзныя дороги самостоятельно, безъ помощи концессій. Но опытъ вышелъ неудачнымъ: постройка этой линіи обошлась втридорога и при этомъ самый выборъ ея направленія обрекаетъ ее на полную убыточность. Она проведена по самому берегу моря, т. е. параллельно паровой линіи, обслуживающей Измидъ. Администрація этой желѣзной дороги исключительно турецкая и, надо сознаться, довольно плохая. На станціи мнѣ съ трудомъ удалось получить билетъ: толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ черкесъ, устроила у кассы рукопашный бой. Замѣшатель-

¹⁾ Набросокъ этотъ воспроизведенъ на стр. 90.

ство это зависѣло отчасти отъ весьма сложнаго размѣна денегъ на турецкія *каиме*, или бумажныя деньги. Курсъ ихъ постоянно мѣняется, что составляетъ большое практическое неудобство. Въ настоящее время они повышаются, такъ какъ Оттоманскій банкъ ежедневно сжигаетъ ихъ на нѣсколько тысячъ, благодаря введенному недавно новому налогу на хлѣбъ въ Константинополь.

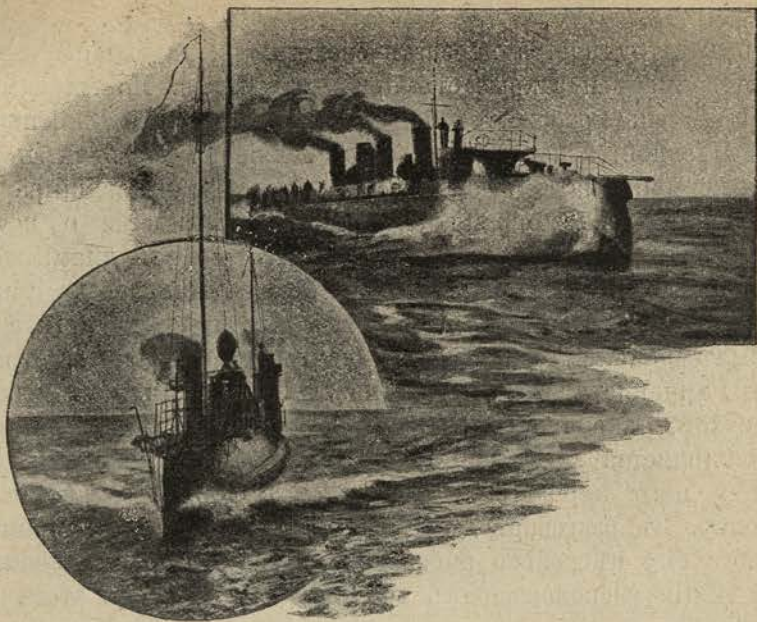
Обратный путь отъ Измида вдоль морского берега представлялъ непрерывную панораму красивыхъ видовъ. Здѣсь изобиловали находившіеся въ полномъ цвѣтѣ фруктовые сады, виноградники и рощи маслинъ. Часто попадались обширныя таборы переселенцевъ изъ Румелии и Болгаріи. Далѣе мы проѣзжали рядъ живописныхъ мѣстечекъ на берегу моря съ роскошными виллами, которыя принадлежатъ богатымъ туркамъ и перотамъ. Все это утопаетъ въ садахъ, зеленѣетъ свѣжею весеннею листвою и цвѣтетъ. Въ одномъ купѣ со мною ѣхалъ старый грекъ, съ которымъ мы разговорились на политическія темы. Онъ очень негодовалъ на С.-Стефанскій мирный договоръ, которымъ основано Болгарское княжество, и увѣрялъ меня, будто греки въ Варнѣ, Шумлѣ и другихъ мѣстахъ Болгаріи готовы отстаивать свои нарушенныя (?) національныя права даже съ оружіемъ въ рукахъ. Греки, по его словамъ, никогда не подчинятся болгарамъ, тогда какъ Россіи они подчинились бы охотно. Впрочемъ, грекъ далѣе проговорился, что Россія должна была бы основать новое греческое государство съ Константинополемъ, освобожденнымъ отъ турокъ. Вообще старый грекъ горько сѣтовалъ на то, что Россія будто бы не пожалѣла грековъ и забыла о ихъ дружественномъ настроеніи къ ней въ Крымскую кампанію.

Наконецъ прибыли мы въ Гайдаръ-паша съ его громадными казармами. Здѣсь я сѣлъ на пароходъ, идущій къ Стамбульскому мосту, мимо Скутари и знаменитой башни Леандра, возвышающейся среди Босфора. Высадившись въ Золотомъ Рогѣ, я успѣлъ еще посѣтить знакомое подворье въ Галатѣ, а въ 4 ч. сѣлъ на пароходъ, который доставилъ меня въ С.-Стефано. Здѣсь товарищи моряки съ живѣйшимъ интересомъ разспрашивали меня о моей столь удачной поѣздкѣ къ англичанамъ въ Измидскую бухту.

Ю. Арсеньевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Окончаніе; см. № 4).

28 марта. По слухамъ, турки ведутъ себя довольно двусмысленно: за линіей аванпостовъ они возводятъ земляныя укрѣпленія, направленныя какъ будто въ нашу сторону. Вчера Османъ - паша предполагалъ произвести турецкой арміи большіе маневры съ пальбой, о чемъ жители Константинополя были предупреждены особымъ извѣщеніемъ. Но по запросу, сдѣланному по этому поводу Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, маневры эти были отмѣнены. Поведеніе турокъ возбуждаетъ между нами вообще не мало сомнѣній относительно ихъ мирныхъ отношеній къ намъ въ ближайшемъ будущемъ.

Обѣдая сегодня въ ресторанѣ, я познакомился здѣсь съ японскимъ военнымъ агентомъ при Главной квартирѣ, полковникомъ N, а также съ другою весьма интересною личностью, оказавшеюся индусскимъ принцемъ Рамчандеромъ. Японскій полковникъ находится въ Европѣ уже три года и говоритъ немного по-англійски и по-французски, перемѣшивая однако свою рѣчь японскими словами.

Когда онъ затрудняется передать свою мысль, то дѣлаетъ преуморительную гримасу и закрываетъ при этомъ глаза. По многимъ отзывамъ онъ очень храбрый офицеръ: онъ побывалъ подъ Никополемъ и подъ Плевной, а въ дѣлахъ подъ Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ даже принималъ участіе, за что получилъ Владиміра съ мечами. Въ настоящее время онъ пишетъ сочиненіе о послѣдней войнѣ и такъ занятъ этимъ трудомъ, что цѣлыми днями не выходитъ изъ своей квартиры. Еще будучи въ Японіи, онъ принималъ тамъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ инсургентовъ, при чемъ былъ раненъ. Что касается другого новаго моего знакомаго, принца Рамчандера, то это весьма типичный индусъ: небольшого роста, сухой, съ очень изможденнымъ темно-смуглымъ лицомъ, которое оживляется чрезвычайно выразительными черными глазами. Волосы у него курчавые и носить онъ довольно жидкіе усы и эспаньолку. Въ разговорѣ съ нимъ, происходившемъ по-англійски, я сдѣлалъ ему нѣсколько рискованный вопросъ, какъ туземное населеніе Индіи расположено къ англичанамъ? Вопросъ этотъ его видимо смутилъ и онъ отказался отвѣчать на него. При этомъ онъ объяснилъ мнѣ, что прибылъ въ нашу Главную квартиру по важнымъ дѣламъ и не желаетъ, чтобы его присутствіе здѣсь сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Въ виду сего онъ носитъ даже англійскую фамилію—Pradon. Какъ я узналъ потомъ отъ нашихъ офицеровъ, этотъ индусъ прибылъ сюда не одинъ, а въ числѣ депутаціи того же племени, которая предлагаетъ по первому сигналу возбудить въ Индостанѣ возстаніе противъ Англіи. Но едва ли изъ этого что-нибудь выйдетъ. Сегодня слышно, что съ Англіей дѣла у насъ улаживаются, хотя и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ. Сегодня нашъ пароходъ „Константинъ“ отправился въ Измидскую бухту съ визитомъ къ англичанамъ, въ отвѣтъ на посѣщеніе, сдѣланное адмираломъ Горнби Великому Князю въ Константинополь. Въ числѣ генералитета, отправившагося въ Измидъ на „Константинъ“, называютъ графа Клейнмихеля, командира гвардейскихъ стрѣлковъ.

29 марта. Нынѣшній день принесъ намъ совершенно неожиданную новость. По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго наша 3-я рота назначена въ распоряженіе кап. 2 р. Дикова (героя Сулинскаго дѣла, за которое онъ получилъ Георгія 4 ст.) и переходитъ отсюда въ Чаталджу. Это—третья станція отъ С. Стефано по направленію къ Адрианополю. При этомъ двое мичмановъ, а именно я и Тиле откомандировываемся для конвоирования секретныхъ грузовъ и миннаго дѣла, подъ руководствомъ миннаго офицера, лейтенанта Муравьева. Явившись новому начальнику, кап. 2 р. Дикову, мы узнали отъ него, что уже завтра въ 8 ч. утра должны мы втроемъ выѣхать по желѣзной дорогѣ въ Ямболъ. Туда прибываетъ изъ нашихъ черноморскихъ портовъ чрезъ Бургасъ

секретный грузъ, а именно сферо-коническія мины (Герцовскими ихъ называть запрещено). Ихъ выгрузили съ парохода въ Бургасъ безо всякой огласки и везутъ далѣе подъ видомъ сапогъ, сухарей и т. под. въ большихъ ящикахъ. Мины уже снаряжены и намъ предстоитъ конвоировать ихъ по желѣзной дорогѣ въ Чатаджу. Дальнѣйшее ихъ назначеніе сохраняется въ тайнѣ. Въ виду скорого отъѣзда въ эту командировку, весь остальной день прошелъ у насъ въ сборахъ и прощальныхъ визитахъ сослуживцамъ, которые пожелали намъ благополучнаго путешествія. За обѣдомъ въ ресторанѣ я опять встрѣтилъ сегодня своихъ новыхъ знакомыхъ, японца и индуса, которые, кажется, между собою въ дружбѣ. Принцъ Рамчандеръ въ этотъ разъ былъ болѣе разговорчивъ и рассказалъ мнѣ интересныя подробности о своей жизни и предшествующей дѣятельности. Онъ—потомокъ знаменитаго Нана-саиба, главнаго вождя Индійскаго возстанія 1857 года. Недвижимыя имѣнія его въ Индіи конфискованы были британскимъ правительствомъ, а ближайшіе его родственники—исчезли безъ вѣсти. Самъ Рамчандеръ нѣкоторое время содержался въ Англіи въ тюремномъ заключеніи, но затѣмъ ему удалось бѣжать оттуда въ Швейцарію, еще въ ранней молодости. Здѣсь онъ получилъ европейское воспитаніе и случайная встрѣча съ русскимъ генераломъ Скалономъ положила начало его симпатіямъ къ Россіи. Высшее образованіе Рамчандеръ получилъ въ Берлинскомъ университетѣ. Послѣ того онъ неоднократно ѣздилъ чрезъ Россію и Персію въ свою родину и однажды, пробираясь подъ видомъ перса въ Индостанъ черезъ Герать, былъ задержанъ англійскими агентами и едва избѣгъ новаго заключенія въ тюрьму. Обездоленный индусскій принцъ прекрасно образованъ и свободно говоритъ по-англійски, нѣмецки и французски, а также на многихъ восточныхъ языкахъ. Въ С. Стефано онъ прибылъ недавно съ надеждою при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, какъ напр. въ случаѣ войны между Россіей и Англіей, послужить великому дѣлу сближенія Индіи съ Россіей, которое онъ поставилъ главною цѣлью своей жизни. Сближеніе это, по его словамъ, находитъ основаніе въ самыхъ естественныхъ причинахъ. Россія представляетъ собою громадное государство, богатое хлѣбомъ, но сравнительно бѣдное населеніемъ. Съ другой стороны Индія имѣетъ чрезмѣрное населеніе въ 280 милліоновъ и при этомъ постоянно нуждается въ самомъ насущномъ хлѣбѣ, хотя и богата другими существенными произведеніями. А между тѣмъ изъ-за коммерческихъ интересовъ двухъ незначительныхъ острововъ, населенныхъ эгоистичною англійскою націей, эти сотни милліоновъ индусовъ лишены возможности войти въ непосредственныя сношенія съ Россіей и нерѣдко даже испытываютъ всѣ ужасы голода. Но такое отчужденіе между двумя великими народами должно, безъ сомнѣнія, когда-нибудь прекратиться. Рамчандеръ вынулъ изъ кар-

мана газету и передалъ мнѣ ее. „Просмотрите,—сказалъ онъ,—появившуюся сегодня статью въ „*Levant Herald*“ (№ отъ 10 апр. 1878) подъ заглавіемъ „*Fleling in India*“. Хотя она и подписана „*Calcutta*“, но несомнѣнно прислана для напечатанія прямо изъ Лондона. Въ ней сообщается о тревогѣ, которую будто бы произвели въ Индостанѣ дошедшіе туда слухи о предстоящей англо-русской войнѣ. Туземное населеніе Индіи, говорится въ статьѣ, видитъ въ этой войнѣ, хотя она и будетъ происходить въ Европѣ (?),—*индійскую войну*, такъ какъ цѣлью ея будетъ защита Индіи отъ русскаго вторженія. Далѣе въ статьѣ упоминается о сочувствіи туземнаго населенія Индіи къ англичанамъ. „Все это—чистѣйшая ложь, отъ А до Z, прибавилъ Рамчандеръ, какъ лживы и присланные мнѣ изъ Англіи, изданные тамъ политическіе памфлеты, будто бы написанные индусами! Все это подлоги, которыми министерство Дизраели старается обмануть англійскую націю, вовлекая ее въ войну“. Самъ Рамчандеръ ведетъ тайную переписку съ своими единомышленниками въ Индіи, хотя это и встрѣчаетъ большія затрудненія, вслѣдствіе бдительности англійскихъ агентовъ, которые и здѣсь слѣдятъ за нимъ. Это послѣднее обстоятельство вынуждаетъ его перенести свою дѣятельность въ Петербургъ, куда онъ въ скоромъ времени предполагаетъ ѣхать, если получить на это разрѣшеніе.

3 апрѣля. Чаталджа. Отдыхаю сегодня отъ служебной командировки въ Ямболь, которая была не только утомительною, но и тревожною для меня. Я сопровождалъ оттуда до Чаталджи транспортъ въ 8 вагоновъ, заключающихъ снаряженные сферо-коническія мины со всею принадлежностью, и находился все время подъ страхомъ какого-нибудь возможнаго несчастнаго случая въ пути съ этимъ опаснымъ грузомъ. При этомъ я долженъ былъ держать эти опасенія про себя, никому ихъ не высказывая, такъ какъ порученный мнѣ грузъ былъ секретный и слѣдовалъ подъ названіями: сапогъ, чаю, сахару и обмундированія, всего 110 мѣстъ. Заношу сюда свои краткія путевыя замѣтки по этой командировкѣ.

30-го марта съ первымъ поѣздомъ выѣхали мы втроемъ съ лейт. Муравьевымъ и мичм. Тиле изъ С. Стефано, имѣя съ собою 4-хъ матросовъ минеровъ. Кромѣ того, у насъ оказался попутчикъ до Ени-Загры—поручикъ Сумскаго полка кн. Мещерскій. Поѣздъ промчалъ насъ мимо нашего лагеря, гдѣ въ то время производилось строевое ученіе; отсюда намъ махали фуражками въ знакъ добрыхъ пожеланій. До станціи Хадымкіой ѣхалъ съ нами комендантъ ея, офицеръ 30-й дивизіи, изъ отряда Скобелева. Въ первый разъ привелось мнѣ слышать отзывъ о нашемъ знаменитомъ „бѣломъ генералѣ“ отъ его сослуживца. Офицеръ, конечно, отзывался съ высокою похвалою о его беззавѣтной храбрости, но, по его словамъ, Скобелевъ слишкомъ форсируетъ иногда силами своихъ солдатъ, заставляя нерѣдко пѣ-

хоту дѣлать 80-ти верстныя переходы. Сюда его дивизія пришла такими форсированными маршами, не имѣя съ собою ни обоза, ни палатокъ, и расположилась здѣсь биваками, безо всякихъ удобствъ. Далѣе мы проѣзжали Чатаджу, составившую конечную цѣль нашей командировки. Небольшой городокъ этотъ виднѣется верстахъ въ 2-хъ отъ станціи, въ ложинѣ, у подножія горъ. Здѣсь расположены лагерями полки 9-й пѣхотной дивизіи кн. Мирскаго. За Чатаджей желѣзнодорожный путь идетъ большими зигзагами по равнинѣ, которая по мѣрѣ удаленія къ сѣверу становится песчаною и необработанною. Деревни по большей части черкесскія, теперь представляютъ лишь покинутыя жителями пепелища. Очевидно, что не эта мѣстность снабжаетъ хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства Константинополь и побережье. Съ отдѣленіемъ Болгаріи все здѣсь должно сильно вздорожать. Отъ лейт. Муравьева я узналъ, что на англійской эскадрѣ, стоящей въ Измидѣ, отклонили визитъ нашихъ офицеровъ, прибывшихъ туда съ этою цѣлью, ссылаясь на отсутствіе адмирала Горнби. Это вышло довольно сухо со стороны англичанъ, чтобы не сказать болѣе. Говорятъ, и ихъ не вѣрно принимать послѣ этого на наши военные пароходы, стоящіе въ Босфорѣ. За станціей Синекли начинаются обширныя болота, заросшія мелко-лѣсьемъ; міріады лягушекъ оглашаютъ воздухъ своимъ неумолкаемымъ кваканьемъ. Здѣсь, повидимому, много дичи: мы замѣтили стаи дикихъ утокъ и цѣлыя выводки фазановъ. Къ вечеру прибыли мы въ Адрианополь, откуда тронулись далѣе на слѣдующее утро, переночевавъ въ городѣ. Отъ станціи Мустафа-паша мы проѣзжали уже по *молодой Болгаріи*, созданной Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Здѣсь теперь замѣтны нѣкоторые признаки оживленія: болгарское населеніе возвращается на свои пепелища и приступило къ сельскимъ работамъ. Поля, зеленѣющія молодыми всходами, радуютъ взоръ. Мы проѣхали Херманлы—разрушенное мѣстечко съ мечетью и остатками обширныхъ казармъ; нѣсколько далѣе—Тырново-Семенли, гдѣ начинается желѣзнодорожная вѣтвь на Филиппополь. Всѣ эти мѣста стали теперь извѣстны быстрыми переходами, совершенными Скобелевымъ на пути его къ Адрианополю въ нынѣшнемъ году. Въ 7 ч. вечера прибыли мы въ знакомую уже намъ Ени-Загру и опять увидали вдали Балканы, все еще покрытыя снѣгомъ и на половину окутанныя дождевыми тучами.

Въ Ени-Загрѣ разстались мы съ нашимъ попутчикомъ кн. Мещерскимъ: онъ узналъ здѣсь, что его Сумскій полкъ уже перешелъ отсюда въ Сливно и возвращается въ Россію небольшими переходами. Къ половинѣ мая полкъ долженъ быть въ Бендерахъ. Отъ Ени-Загры до Ямболя намъ оставалось еще около часу ѣзды; отсюда желѣзная дорога круто поворачиваетъ на востокъ. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы прибыли на станцію Ямболь, или вѣрнѣе оста-

новились въ чистомъ полѣ, такъ какъ зданіе станціи было сожжено до тла черкесами еще до занятія дороги нашими войсками. Къ тому же не замѣтно было и близости города. Продолжительное путешествіе и притомъ почти впроголодь насъ достаточно утомило, а тутъ еще ожидало насъ такое разочарованіе и перспектива разыскивать ночлегъ въ темнотѣ и въ проливной дождь! На наше счастье въ это время прибыли изъ города на станцію офицеры расположеннаго въ Ямболѣ Владимірскаго уланскаго полка. Они выѣхали для встрѣчи одного изъ своихъ товарищей, возвращающагося изъ плѣна, но его въ нашемъ поѣздѣ не оказалось. Комендантъ станціи, и офицеръ того же уланскаго полка, были предупрежденъ о нашемъ прибытіи. Мы узнали отъ него, что флигель-адъютантъ Клейгельсъ, завѣдующій перевозкою минъ изъ Бургаса, находится въ настоящее время въ Ямболѣ и остановился въ помѣщеніи командира уланскаго полка. Полковая повозка, высланная за вышеупомянутымъ офицеромъ, предоставлена была намъ, и мы такимъ образомъ удобно доѣхали до города, который находится верстахъ въ двухъ отъ станціи. По пути мы два раза переѣзжали по мостамъ чрезъ р. Тунджу, которая теперь въ полномъ разливѣ. Ямболъ расположенъ на возвышенномъ берегу этой рѣки и у подножія цѣпи Малыхъ Балканъ. Онъ представлялъ, вѣроятно, красивый видъ до разрушенія своего въ недавнее время черкесами. Болѣе всего пострадали при этомъ христіанскіе кварталы, совершенно разрушенные и, по удачному выраженію одного офицера, изрубленные въ капусту. Дѣйствительно, здѣсь длинныя улицы представляютъ одни лишь остатки обгорѣвшихъ фундаментовъ и домовыхъ печей, да груды разбитыхъ череницъ и мусору. Въ турецкомъ кварталѣ уцѣлѣло сравнительно больше построекъ и въ томъ числѣ нѣсколько большихъ мечетей съ минаретами, зданіе базара и бани. Повозка наша остановилась у зданія конака, который служить теперь квартирою командира Владимірскихъ уланъ, полковника Бехтѣва и его офицеровъ. Здѣсь приняли насъ чрезвычайно радушно и пригласили отужинать, что было для насъ какъ нельзя болѣе кетати. За столомъ разговоръ былъ самый оживленный, и между моряками и кавалеристами проявились самыя живыя симпатіи. Уланы видимо рады были гостямъ: имъ, кажется, предстоитъ невеселая перспектива оставаться еще здѣсь на оккупацию, что въ такой глуши, какъ Ямболъ, особенно тягостно. Разговоръ коснулся между прочимъ и предстоящихъ, быть можетъ, важныхъ событій на Босфорѣ, при чемъ лейт. Муравьевъ сообщилъ, какъ слухъ, что въ случаѣ новой войны предположено немедленно занимать Буюкъ-дере нашими войсками, не давая туркамъ здѣсь укрѣпиться. Но вопросъ въ томъ, легко ли теперь это выполнить? Турки, какъ слышно, не теряютъ времени и вездѣ возводятъ земляныя укрѣпленія. На запросъ по этому поводу съ нашей стороны они отвѣтили, что это дѣлается для обученія мо-

лодыхъ солдатъ! По занятіи Буюкъ-дере предполагается далѣе, пользуясь этимъ базисомъ, ставить минное загражденіе на Босфоръ, ряда въ три минъ, при помощи 20-ти уже имѣющихся у насъ наготовѣ миноносцевъ. Прикрытіемъ для послѣднихъ могли бы служить наши пароходы активной обороны „Константинъ“ и „Владиміръ“. Находясь ближе къ Константинополю, эти пароходы имѣли бы возможность здѣсь ставить второе загражденіе, а въ случаѣ неуспѣха и появленія англійскихъ броненосцевъ, они уходили бы отъ послѣднихъ, выбрасывая мины по пути. Таковъ планъ, обсуждаемый въ настоящее время въ военныхъ сферахъ съ участіемъ нашихъ моряковъ на случай новыхъ политическихъ осложненій. Несомнѣнно, что если бы намъ удалось заградить англійскому флоту доступъ въ Черное море, то мы заговорили бы совершенно иначе съ коварнымъ Албїономъ. Но нельзя не сознаться въ томъ, что выполненіе этого плана можетъ встрѣтить неимовѣрныя трудности въ настоящее время. Раньше исполнить все это было бы несравненно легче, конечно.

За ужиномъ познакомились мы съ флигель-адъютантомъ лейб-драгунскаго полка Н. В. Клейгельсомъ. Онъ только что прибылъ сюда изъ Бургаса, гдѣ находился при выгрузкѣ минъ съ военной шхуны „Запорожець“. Мы условились съ нимъ, что на слѣдующее утро я отправлюсь отсюда съ первымъ транспортомъ минъ, которыми уже нагружены 8 вагоновъ, въ Чаталджу. За этимъ транспортомъ вскорѣ послѣдуютъ и другіе. 1-го апрѣля съ утреннимъ поѣздомъ тронулся я въ обратный путь съ своимъ опаснымъ грузомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи матроса минера 1-го черноморскаго экипажа у.-оф. Корнѣенко. Путешествіе мое не обошлось безъ тревоженій: на каждой большой станціи, вслѣдствіе усиленной перевозки войсковыхъ частей, являлся рискъ, что мои вагоны будутъ отцѣплены. Въ этихъ случаяхъ я предъявлялъ командирамъ станціи имѣвшееся у меня предписаніе инженеръ-генерала Денпа ни подъ какимъ видомъ меня не задерживать. Тѣмъ не менѣе мои вагоны подверглись отцѣпкѣ на одной узловой станціи, Тырново-Семенли, вслѣдствіе того, что къ поѣзду прицѣпили въ Ени-Загрѣ 30 вагоновъ съ Серпуховскимъ пѣхотнымъ полкомъ 30-й дивизіи, и такимъ образомъ число вагоновъ въ поѣздѣ превысило норму (35 ваг.). Но уже съ слѣдующимъ поѣздомъ, прибывшимъ изъ Филиппополя, я двинулся дальше и въ 4 ч. утра на слѣдующій день былъ въ Адрианополь, а къ вечеру добрался и до Чаталджи, гдѣ встрѣтили меня на станціи наши офицеры 3-й роты: лейт. Лавровъ и мичманы Персинъ и Малютинъ.

Пишу эти строки въ небольшой комнатѣ во второмъ этажѣ деревяннаго станціоннаго дома, который служитъ помѣщеніемъ нашему офицерству. Здѣсь же живутъ интендантскіе чиновники, завѣдующіе мѣстнымъ складомъ, и командиръ находящейся здѣсь роты Брянь-

скаго полка 9-й дивизіи. Доставленные мною мины сегодня же вечеромъ выгружаются матросами нашей роты на особо отведенномъ мѣстѣ, недалеко отъ станціи.

5 апрѣля. За эти дни я успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ новою мѣстностью, въ которой намъ придется повидимому прожить нѣкоторое время. Подъ самыми нашими окнами расположенъ большой интендантскій складъ подъ открытымъ небомъ, заключающій громадныя пирамиды мѣшковъ съ зерномъ, мукою и сухарями. Складъ этотъ образовался въ самое короткое время и заключаетъ запасы для цѣлаго корпуса на 2 мѣсяца. Пользуясь чудною, совершенно лѣтнею погодой, я сдѣлалъ пѣшую прогулку въ близъ лежащій городъ Чаталджу, откуда вернулся уже при лунѣ. Дорога туда отъ желѣзнодорожной станціи идетъ въ гору и самый городъ живописно ютится въ лощинѣ у подножія горы. Его составляютъ около сотни каменныхъ домовъ, образующихъ узкія, неправильныя улицы, греческая церковь и болѣе замѣтная мечеть съ минаретомъ. Здѣсь расположены теперь войска нашего 8-го корпуса и лучшіе дома въ городѣ заняты генералами Радецкимъ, кн. Святополкъ-Мирскимъ и ихъ штабами. Въ городѣ изобилуютъ греческія кофейни и появились даже въ недавнее время кафе-шантаны.

Мы провели сегодня вечеръ съ новыми нашими сосѣдями по квартирѣ: шт.-кап. Брянскаго полка Пономаренко и другимъ участникомъ Шипки—артиллеристомъ 14-й дивизіи подпоручикомъ В. В. Дубасовымъ, братомъ нашего знаменитаго моряка - взрывателя. Последній командовалъ батареею, находившеюся на одномъ изъ скалистыхъ гребней горы св. Николая, и отражалъ отсюда немало турецкихъ атакъ. Что же касается шт.-капитана Пономаренко, то это типъ русскаго храбреца, свято исполнившаго свой долгъ, не отступая ни предъ какими трудностями, съ простотою и скромностью, какъ дѣло самое обыкновенное. Солдаты его роты обожаютъ своего командира, раздѣлявшаго съ ними всѣ трудности геройскаго подвига на Шипкѣ. Весьма типична наружность шт.-кап. Пономаренко съ его открытымъ, выразительнымъ лицомъ и длинною бородою до пояса; грудь его украшена офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ за славную 6-ти дневную оборону Шипки отъ усиленной турецкой атаки. Брянцы сильно пострадали при этой геройской защитѣ и пробыли на Шипкинскихъ позиціяхъ до самаго января. Чего только не встрѣтили они за это время, живя въ снѣгахъ и туманахъ; а лишь только туманъ расчищался, тотчасъ же турецкія батареи начинали ихъ обстрѣливать. Смѣна ротъ происходила лишь чрезъ двѣ недѣли. Изъ роты шт.-кап. Пономаренко вышло 92 нпжнихъ чина, а изъ офицеровъ остался только онъ одинъ.

9 апрѣля. Минувшіе четыре дня наполнены были довольно разнообразными впечатлѣніями. 6-го вернулся изъ С. Стефано нашъ

ротный командиръ лейт. Лавровъ и привезъ сенсаціонную новость, будто уже составлено расписаніе для занятія Константинополя нашими войсками, при чемъ на долю Гвардейскаго экипажа выпало занять Буюкъ-дере. Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ изъ Ямбола мичманъ Тиле со вторымъ миннымъ транспортомъ, заключающимъ 114 минъ. Выгрузка ихъ происходила на слѣдующее утро 7-го и теперь въ нашемъ складѣ насчитывается уже около 200 минъ. Только что успѣли мы окончить эту работу, какъ пріѣхалъ къ намъ изъ С. Стефано для осмотра миннаго склада кап. 2 р. И. М. Диковъ. Онъ сообщилъ, что по распоряженію вице-адмирала Попова мы получимъ на дняхъ два паровыхъ катера, которые придутъ съ моря въ бухту Кучукъ-Чекмедже, находящуюся недалеко отъ Чаталджи, къ западу отъ С. Стефано. На этихъ катерахъ предполагается дѣлать предварительные опыты съ минами и рекогносцировки. Къ сожалѣнію, эти два катера (одинъ изъ нихъ съ яхты „Штандартъ“), изъ весьма посредственныхъ, не отличаются быстроходностью и вовсе не приспособлены для миннаго дѣла. Трудно предполагать, чтобы возможно было предпринять что-либо серьезное со стороны моря съ такими до смѣшного скудными средствами. Нельзя же успокаивать себя тѣмъ, что на англійской эскадрѣ въ Измидѣ число паровыхъ катеровъ не превышаетъ 7. Намъ уже извѣстно изъ газетъ, что на Мальтѣ у англичанъ имѣется въ полной готовности значительное количество минныхъ шлюпокъ, которыя при первой тревогѣ будутъ немедленно доставлены чрезъ Дарданеллы въ Мраморное море. Изъ словъ И. М. Дикова мы могли понять, что онъ имѣлъ не совсѣмъ пріятный разговоръ по поводу высказанныхъ имъ на этотъ счетъ сомнѣній съ адмираломъ Поповымъ. Этотъ послѣдній является, кажется, авторомъ военно-морского плана и, со свойственнымъ ему упрямствомъ, не терпитъ никакихъ возраженій, хотя бы самыхъ основательныхъ. По этому плану, въ случаѣ движенія 8-го корпуса къ Буюкъ-дере, мы, моряки, должны будемъ слѣдовать съ нимъ по сухому пути съ катерами и минами. При постановкѣ минныхъ загражденій предполагаютъ, кажется, пользоваться и мѣстными кайками и въ виду этого нѣсколько таковыхъ въ настоящее время строится въ Чекмедже. Болѣе точныхъ свѣдѣній обо всемъ этомъ намъ пока не сообщаютъ, почему я и воздерживаюсь отъ какихъ-либо сужденій. Воспользовавшись посѣщеніемъ Дикова, я получилъ позволеніе съѣздить вмѣстѣ съ нимъ въ С. Стефано. Мнѣ необходимо было сдѣлать тамъ нѣкоторыя покупки, а также хотѣлось повидаться съ товарищами. Погода опять, послѣ бывшихъ сильныхъ дождей, стояла отличная. По пути я обратилъ особенное вниманіе на оба залива, которые Мраморное море образуетъ между Чаталджи и Стефано. Желѣзная дорога представляетъ касательную къ этимъ заливамъ. Первый изъ нихъ (отъ Чаталджи) и болѣе значительный носитъ названіе Буюкъ-

Чекмедже (большой заливъ) и представляетъ удлиненную бухту, заворачивающую нѣсколько къ NW, съ очень узкимъ входомъ и возвышенными, но не крутыми берегами. Съ сѣвера въ нее впадаетъ небольшая рѣчка Кара-су. Проѣхавъ далѣе верстъ 20, открывается второй заливъ, Кучукъ-Чекмедже — болѣе широкій и открытый съ моря. Впадающая въ него болотная рѣчка Ташлу-дере, говорятъ, судоходна для мелкосидящихъ шлюпокъ до самого С. Георгіо, откуда до Буюкъ-дере по прямой линіи верстъ 20. Съ этими бухтами придется намъ, можетъ быть, и ближе ознакомиться. Часовъ въ 7 вечера мы были на станціи Чекмедже-Флорія, на берегу моря. Вблизи расположено живописное, но полуразрушенное мѣстечко, занятое нашими войсками. Здѣсь застали мы весьма чувствительные проводы нѣсколькихъ офицеровъ расположеннаго тутъ Финскаго стрѣлковаго батальона, которые по болѣзни возвращаются въ Россію. До самаго отхода поѣзда играла музыка батальона и остающіеся офицеры махали отъѣзжающимъ фуражками и платками. Прибывъ въ С. Стефано еще засвѣтло, я прямо со станціи направился въ хорошо знакомый мнѣ переулочъ, гдѣ еще недавно прожилъ цѣлый мѣсяць. Въ ветхомъ, покосившемся деревянномъ домикѣ съ фонаремъ на улицу, вѣѣшность котораго я не скоро забуду, засталъ я на старомъ мѣстѣ мичмана Аренса. Онъ что то хвораетъ за послѣднее время и, сидя дома, занимается чтеніемъ и писаніемъ дневника; онъ очень мнѣ обрадовался. Отца Николая Пономарева дома не оказалось: онъ уѣхалъ дня на два въ Константинополь, благодаря чему я могъ воспользоваться его диваномъ для ночлега. Но передъ этимъ я успѣлъ еще хорошо пообѣдать въ ресторанѣ *S. Pétersbourg*, а оттуда пошелъ провѣдывать нашихъ старшихъ товарищей, занимающихъ весь 4-й этажъ въ приморскомъ отелѣ *S. Stefano*. Кап.-лейтенанты Дейбнеръ, Палтовъ и Веселаго приняли меня очень радушно и засыпали разспросами про наши хлопоты по перевозкѣ минъ, про распоряженія адмирала Попова и проч. Здѣсь также много наслышались про блестящіе планы этого безпокойнаго адмирала и его ближайшихъ сотрудниковъ Макарова, Верховскаго и другихъ, которые на бумагахъ уже уничтожили англичанъ. Говорятъ, росписаніе для защиты нами Босфора составлено замѣчательное и Поповъ читаетъ объ этомъ цѣлыя лекціи нашимъ генераламъ. Насколько выполненіе этихъ росписаній и плановъ окажется удачнымъ въ случаѣ новой войны, сказать трудно и, къ счастью, шансы на миръ пока еще перевѣшиваютъ. Пока мы сидѣли у к.-л. Дейбнера, обсуждая всѣ эти вопросы, вдругъ раздался какой-то необычайный шумъ, точно отъ какихъ-нибудь тяжелыхъ шаговъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы почувствовали сильный толчекъ снизу вверхъ, отъ котораго комната какъ будто приподнялась. Не успѣли мы опомниться, какъ полъ заходилъ у насъ подъ ногами, стулья и вещи со столовъ полетѣли,

а мы сами еле удержались на ногахъ. Казалось, домъ собирался рухнуть, а вѣдь мы находились въ 4-мъ этажѣ этого самаго высокаго каменнаго зданія въ Стефано! Не отдавая себѣ еще полного отчета въ происходящемъ, мы по какому-то инстинктивному чувству бросились къ дверямъ. Прошло однако нѣсколько томительныхъ секундъ, пока удалось отворить дверь: въ ней что-то зажалось. Между тѣмъ волнообразная качка всего окружающаго продолжалась, все усиливаясь. Когда мы выскочили на лѣстницу, по ней стремительно спускалась толпа жильцовъ гостиницы, офицеры, денщики и др., толкаясь и задерживая другъ друга. Мы еще не успѣли добраться до выхода на улицу, какъ послѣдовалъ второй ударъ землетрясенія, еще болѣе сильный, отъ котораго затрещали лѣстницы и связи зданія. Казалось, вотъ сейчасъ рухнуть стѣны и мы полетимъ внизъ вмѣстѣ съ развалинами. Но этого, слава Богу, не случилось и мы отдѣлались однимъ пережитымъ страхомъ. Когда мы, наконецъ, добрались до низу лѣстницы, землетрясеніе уже окончилось. Оно продолжалось всего около 15-ти секундъ, которыя, конечно, по своей томительности, показались намъ несравненно продолжительнѣе. Когда мы вышли на улицу, то увидали здѣсь небывалое оживленіе, которое кто-то изъ насъ сравнилъ съ картиною послѣдняго дня Помпей. Дѣйствительно, при тускломъ свѣтѣ фонарей можно было различить самую пеструю публику, высыпавшую изъ всѣхъ домовъ мѣстечка и кто въ чемъ былъ; многія женщины успѣли даже вытащить на улицу свой домашній скарбъ. Но особенный переполохъ произвело землетрясеніе въ излюбленномъ здѣшнемъ офицерскомъ *café-concert* „*Concordia*“. Когда оно началось, то переполнявшая ресторанъ публика стремительно бросилась къ дверямъ, опрокидывая столы съ посудой и стулья, и общимъ напоромъ заперла двери. Тогда въ паническомъ ужасѣ стали выбивать окна и выскакивать этимъ путемъ на улицу, не жалѣя рукъ и лицъ. Пѣвшая въ это время шансонетная пѣвица француженка отъ страха лишилась чувствъ и ее съ трудомъ вынесли на улицу. Если бы землетрясеніе еще усилилось, то здѣсь, безъ сомнѣнія, не обошлось бы безъ жертвъ, такъ какъ двухъэтажное зданіе ресторана, выстроенное очень непрочнo, угрожало паденіемъ. Вообще въ С.-Стефано, а также и въ Константинополь землетрясеніе не причинило несчастій, хотя нѣкоторые дома и дали трещины. Болѣе серьезныя послѣдствія, по сообщенію газетъ, оно имѣло въ Малой Азій, а именно въ Измидъ и Бруссъ. Такого сильнаго землетрясенія здѣсь не было, говорятъ, уже много лѣтъ.

Испытавши столь неожиданныя и сильныя ощущенія, я провелъ остальное время въ Стефано уже болѣе спокойно, дѣлая закупки и навѣщая товарищей. Между прочимъ повидался я съ лейт. Петровымъ, который на дняхъ командированъ отсюда морскимъ путемъ въ Бургасъ, по случаю предполагаемой тамъ высадки нашихъ войскъ

съ Кавказа. Это какъ будто опять не къ миру. Передъ отъѣздомъ обѣдалъ я у товарищей Эбелинга, Сиверса, Ө. Стеммана и кн. Баятинскаго. Они очень уютно устроились вмѣстѣ въ небольшой квартирѣ съ балкономъ, выходящимъ на море.

У нихъ я познакомился съ офицеромъ Измайловскаго полка барономъ Розеномъ. Выѣхавъ изъ С.-Стефано съ вечернимъ поѣздомъ, я добрался до Чатаджы только къ утру, вслѣдствіе продолжительныхъ задержекъ поѣзда въ пути. Здѣсь, въ Чатаджѣ, по рассказамъ землетрясеніе было также довольно сильное. Въ интендантскомъ складѣ опрокинуло нѣсколько бочекъ съ водкою и разбросало мѣшки.

11 апрѣля. На дворѣ воетъ жестокий сѣверо-восточный вѣтеръ и проливной дождь льетъ непрерывно съ вчерашняго вечера. Если бы не свѣжая изумрудная зелень весенней растительности, покрывающая окрестныя горы и равнину, можно было бы подумать, что опять вернулась скучная осень.

Мы забились въ свои комнатки въ станціонномъ домѣ, гдѣ вѣтеръ проникаетъ чрезъ щели оконъ и почти задуваетъ свѣчи. Но несмотря на всѣ эти неудобства и ненастье, расположеніе духа остается весеннимъ, полнымъ надеждъ. Первая надежда — на скорое наступленіе лѣта съ его яркими солнечными днями и роскошно разцвѣтающею природою; а кромѣ этой надежды, есть много и другихъ, не менѣе свѣтлыхъ...

Со времени моего возвращенія въ Чатаджу наступило во всемъ какъ будто затишье. Опять стало слышно о скоромъ возвращеніи войскъ въ Россію послѣ конференціи, которая, говорятъ, состоится на дняхъ. Суждено ли этому слуху оправдаться, или же замолкнуть, какъ бывало не разъ, сказать трудно. Но въ этотъ разъ увѣренности въ мирномъ исходѣ нашего нынѣшняго выжидательнаго положенія почему то больше у насъ, хотя мы и караулимъ еще здѣсь свои мины. А между тѣмъ Свѣтлый праздникъ уже на дворѣ. Сегодня за завтракомъ обсуждался у насъ вопросъ, какъ намъ встрѣчать Пасху. Рѣшили озаботиться о куличахъ, пасхахъ и красныхъ яйцахъ и проч.; для закупки всего этого отправился въ Стефаномичманъ Персинъ. Если погода будетъ благопріятна, то мы предполагаемъ ѣхать въ нашей ротной повозкѣ въ Чатаджу къ пасхальной заутренѣ; надѣюсь, что этотъ планъ осуществится.

Вчера провелъ у насъ цѣлый день артиллеристъ Дубасовъ; мы съ нимъ поочередно играли въ шахматы. Сейчасъ же, пока я пишу, пришелъ насъ навѣстить капитанъ Пономаренко и завязался съ нимъ интересный разговоръ о сравнительныхъ преимуществахъ гражданской и военной службы. Мнѣнія склоняются въ пользу послѣдней. Капитанъ повидимому хорошій сельскій хозяинъ и послѣ войны предполагаетъ выйти въ отставку и снова взяться за плугъ, какъ истин-

ный Цинциннать. Сына онъ хочетъ, послѣ окончанія гимназіи, опредѣлить въ земледѣльческую академію, чтобы онъ потомъ, послѣ военной службы, могъ со знаніемъ дѣла приняться за сельское хозяйство и быть обеспеченнымъ.

12 апрѣля. Сегодня годовщина со дня объявленія войны. Правда, уже почти два мѣсяца прошло со дня ратификаціи С.-Стефанскаго договора; тѣмъ не менѣе наше нынѣшнее положеніе болѣе похоже на перемиріе, чѣмъ на настоящій миръ, а впереди еще Богъ вѣсть что насъ ожидаетъ! Въ такой же неизвѣстности относительно будущаго находились мы годъ тому назадъ, когда въ Нью-Йоркѣ, на палубѣ фрегата „Свѣтлана“ Великій Князь Алексѣй Александровичъ прочелъ командѣ фрегата только что полученный изъ Россіи манифестъ Государя о войнѣ съ Турціей. Телеграммы, которыя мы прочли сегодня въ газетѣ „*Turquie*“, опять воинственнаго характера и говорятъ объ усиленныхъ вооруженіяхъ Россіи и Англіи; у насъ будто бы призваны на службу и морскіе резервы. Мы проводимъ очень невеселый день: на дворѣ все еще продолжается ненастье и надъ нами проносится безконечный рядъ мрачныхъ дождевыхъ тучъ, гонимыхъ вѣтромъ. Въ окружающей долинѣ разлилось отъ сильныхъ дождей цѣлое озеро. Въ комнатѣ у насъ, несмотря на завѣшанные окна, и холодно, и сыро. Но еще хуже приходится нашимъ бѣднымъ матросикамъ, которыхъ мы сейчасъ навѣстили въ лагерѣ, съ трудомъ пробираясь къ ихъ палаткамъ чрезъ невылазную грязь: они не мало бѣдствуютъ отъ дождя и холодовъ. Неужели не дождемся мы лучшей погоды, хотя бы къ наступающему Свѣтлому празднику!

Нашъ милый сосѣдъ, капитанъ Пономаренко навѣстилъ насъ и сегодня и за чаемъ рассказывалъ кое-что о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ Брянцами на Шипкѣ. Брянскій полкъ, по его словамъ, выстрадалъ больше другихъ частей. Послѣ геройской обороны Шипки въ августѣ онъ отдыхалъ очень недолго. Смѣнившіе его Подольцы, а затѣмъ полки 24-й пѣхотной дивизіи оказались менѣе выносливыми и стойкими при защитѣ этой „орлиной позиціи“. Тогда, съ 5-го сентября Брянскій полкъ опять водворенъ былъ на Шипку и несъ тамъ невѣроятную геройскую службу въ продолженіе всей зимы. Трудно повѣрить, на примѣръ, что люди могли оставаться по четыре дня безсмѣнно на самой вершинѣ горы св. Николая, безъ крова и пристанища при страшныхъ метеляхъ и снѣжныхъ заносахъ. Люди замерзали, какъ мухи, и только благодаря величайшей бдительности офицеровъ, число жертвъ оставалось ограниченнымъ. Шинели на солдатахъ отъ снѣга и мороза превращались въ твердые лубки, а бороды—въ ледяшки; и въ подобныхъ условіяхъ эти герои оставались по четверо сутокъ, денно и ночно! Солдаты гораздо болѣе опасались морозовъ, чѣмъ непріятельскихъ пуль: подъ огнемъ турокъ имѣлось еще вѣроятіе избѣгнуть смерти или раны, а неумо-

лимый морозъ грозилъ ежеминутно смертью, или же, въ лучшемъ случаѣ, потерю рукъ или ногъ. Но пожалуй еще опаснѣе, чѣмъ самое дежурство на Николаѣ, бывали смѣны, производившіяся обязательно по ночамъ.

Въ непроглядную темь, нерѣдко въ снѣжную вьюгу отправлялась рота въ опасный путь, за 8 верстъ отъ своихъ землянокъ. Приходилось идти по страшнымъ крутизнамъ горы св. Николая, безпрестанно сбиваясь съ тропы и нерѣдко уходя по поясъ въ снѣжные сугробы. Сколько несчастныхъ случаевъ бывало при этихъ ночныхъ блужданіяхъ. Нерѣдко бродили до самого разсвѣта, не находя дороги на вершину, хотя оттуда и высылались навстрѣчу люди, чтобы направлять смѣну и собирать растерявшихся солдатъ. Все это—такія подробности, которыя рисуютъ картину почти невѣроятную и отъ которой невольно содрагаешься, когда слышишь живой рассказъ участника. Совершенно справедливо добавляетъ этотъ послѣдній къ своему повѣствованію: „если бы я самъ всего этого не видалъ, то отказался бы повѣрить“. Другіе полки, хотя и бывшіе также на Шипкѣ, не испытали всего того, что пережили Брянцы. Землянки ихъ находились у самого Николая, такъ что смѣна ротъ въ этихъ частяхъ происходила ежедневно и притомъ они имѣли въ крайнемъ случаѣ гдѣ отогрѣться; а Брянцы приходили на вершину за 8 верстъ и притомъ на цѣлыхъ четверо безконечныхъ, мучительныхъ сутокъ!.. Говорятъ, Брянскій полкъ награжденъ будетъ за свои выдающіеся подвиги на Шипкѣ георгіевскими петлицами и это отличіе будетъ, конечно, вполне заслуженнымъ. Не могу не передать здѣсь, со словъ капитана Пономаренко, одинъ рассказанный имъ эпизодъ. Онъ можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ на распространяемую изъ Константинополя за послѣднее время нашими врагами гнусную книжонку подъ заглавіемъ: „*Les atrocités russes en Asie et en Roumélie pendant les mois de juin, juillet et août 1877*“. Она содержитъ въ переводѣ телеграммы враждебныхъ намъ англійскихъ и турецкихъ газетъ съ сообщеніями о совершенныхъ будто бы русскими войсками звѣрствахъ. Но перехожу къ правдивому рассказу капитана. У подножія горы св. Николая еще существуетъ небольшая караулка о двухъ комнаткахъ, прозванная „Брянскою хатой“. Ее занималъ поручикъ Брянскаго полка Денисовъ, завѣдывающій въ то время складомъ консервовъ—человѣкъ добрѣйшей души, хотя и суровой внѣшности. Послѣ плѣненія Шипкинской арміи стали возвращаться въ свои селенія бѣжавшіе отсюда болгаре, конечно, въ самомъ жалкомъ видѣ, въ однихъ отрепьяхъ, и немало ихъ гибло отъ голода и холода. Денисовъ помогалъ, кому могъ, изъ собственныхъ средствъ, отдавая все, что имѣлъ лишняго, платья и бѣлья. Мало того: въ своей хатѣ онъ отогрѣвалъ и подкармливалъ немало безпріютныхъ бѣдняковъ. Однажды зашла сюда болгарка въ самомъ

бѣдственномъ состояніи и тутъ же родила ребенка. Жалостливый поручикъ ходилъ за матерью и ребенкомъ съ необыкновенною заботливостью, пока не розыскалъ мужа этой болгарки, находившагося въ Казанлыкѣ и считавшаго жену свою уже погибшею. Въ другой разъ Денисовъ пріютилъ у себя двоихъ дѣтей, мать которыхъ замерзла въ горахъ. Нѣсколько позднѣе, когда Брянскій полкъ проходилъ чрезъ Казанлыкъ, Денисовъ неожиданно встрѣтилъ въ томъ городѣ ту самую болгарку, которую онъ, можно сказать, спасъ отъ смерти съ ея ребенкомъ. Трудно описать ея радость при этой встрѣчѣ. Она ведетъ своего благодѣтеля къ себѣ въ домъ, гдѣ по этому случаю устраивается настоящий семейный праздникъ; всѣ члены семьи его привѣтствуютъ и угощаютъ, стараясь выразить ему всячески свою благодарность. Болгарка настояла на томъ, чтобы выстирать даромъ все бѣлье Денисова.

13 апрѣля. Сегодня прибылъ къ намъ въ Чатаджу послѣдній транспортъ минъ изъ Ямболя, сопровождаемый лейтенантомъ Муравьевымъ. Этотъ бѣдный офицеръ пріѣхалъ сюда совершенно больнымъ: его трясетъ жестокая лихорадка и онъ поспѣшилъ ѣхать далѣе, въ Стефано, чтобы здѣсь не свалиться ¹⁾. Погода за прошлую ночь поправилась и сегодня опять ясный солнечный день. Дождевые озера замѣчательно быстро исчезли и грязь тоже успѣла подсохнуть. Нынѣшнія депеши уже болѣе опредѣлительно говорятъ о созывѣ конгресса. Англія согласилась въ немъ участвовать подъ извѣстными условіями. Ведутся также дипломатическіе переговоры объ удаленіи нашихъ войскъ и англійскаго флота отъ Константинополя. Поговариваютъ о большомъ парадѣ всѣмъ нашимъ войскамъ, сосредоточеннымъ у С. Стефано, на второй день Пасхи.

14 апрѣля. Великая Пятница. Природа какъ бы облеклась въ трауръ: небо снова обложило темными тучами и перепадаетъ дождь. У насъ завтракалъ поручикъ Дубасовъ съ другими артиллеристами. Послѣ того мы сдѣлали вмѣстѣ съ ними верховую прогулку въ Чатаджу и далѣе по живописному горному ущелью. Здѣсь насъ застигъ дождь и мы укрылись въ небольшой пещерѣ, изъ глубины которой бьетъ родникъ, прозрачный, какъ кристалль. Входъ въ пещеру отчасти скрытъ кустарникомъ и вьющимися растеніями — все это теперь зелено и прекрасно. Газеты сообщаютъ сегодня извѣстія, противорѣчащія вчерашнимъ. Невозможно читать безъ негодованія всѣ клеветы, взводимыя на Россію продажною еврейскою прессою. Точно шавки разлаялись они на слона. Неужели послѣ столь тяжелой, побѣдоносной войны мы подчинимся требованіямъ зависти и недоброжелательства? Нѣтъ, лучше рѣшиться на новую войну, какъ бы

¹⁾ Впослѣдствіи мы получили прискорбное извѣстіе, что лейтен. Муравьевъ скончался отъ патнистаго тифа въ Одессѣ. Вѣчная память этому молодому и симпатичному офицеру!

тяжела она ни была для насъ, но довести благое дѣло до конца. Таковъ будетъ, безъ сомнѣнія, голосъ всей Россіи.

16 апрѣля. Свѣтлое Христово Воскресенье. Наступилъ, наконецъ, и Свѣтлый праздникъ. Мы надѣялись было встрѣчать его уже вернувшись на родину, а вышло иначе. Періодъ томительной неопредѣленности грозитъ еще затянуться, можетъ быть, надолго. Вчера, подъ самый праздникъ нашъ ротный командиръ Лавровъ получилъ извѣщеніе отъ Дикова, что къ намъ прибываетъ новый грузъ и что одному изъ офицеровъ роты придется немедленно ѣхать въ Адріанополь и разыскать тамъ биндюги осадной артиллеріи для предполагаемаго перевоза минныхъ катеровъ. Это порученіе падаетъ на меня. Сегодня же въ 11 час. вечера выѣзжаю въ Адріанополь, уже въ четвертый разъ, и не знаю, на сколько времени. Но возвращаюсь къ нашей встрѣчѣ Свѣтлаго праздника. Вчерашній день начался проливнымъ дождемъ и пасмурнымъ небомъ, но къ вечеру погода разгулялась и явилась возможность отправиться къ пасхальной заутренѣ въ Чаталджу. Около 11-ти ч. отправились мы туда въ нѣсколькихъ повозкахъ. Съ нами поѣхалъ и кап. Пономаренко. Ночь была звѣздная и теплая. Южный вѣтерокъ гналъ отдѣльныя тучи разсѣяннаго ненастья. Мы подвигались почти шагомъ, такъ какъ дорога въ Чаталджу идетъ круто въ гору и представляетъ нѣсколько размытыхъ дождями мѣстъ и мостовъ. Наконецъ замелькали предъ нами въ ночномъ мракѣ многочисленные огоньки Чаталджи на темномъ фонѣ горы. Городокъ, казалось, затихъ въ трепетномъ ожиданіи великаго праздника: въ немъ не было, кажется, ни одного неосвѣщеннаго окна и всѣ эти огоньки какъ будто перемигивались съ ярко сверкавшими на ночномъ небѣ созвѣздіями. Подъѣзжая къ городу, мы слышали учащенный звонъ церковнаго колокола, еще столь необычный въ здѣшнихъ краяхъ. Но этотъ робко звучащій колоколъ, будто дѣтскій голосокъ, лишь отдаленно напомнилъ намъ густой серебристый звукъ нашихъ русскихъ колоколовъ въ Пасхальную ночь. Тѣмъ не менѣе утѣшительно было слышать этотъ праздничный благовѣстъ, не раздававшійся здѣсь, въ Турціи, около четырехъ сотъ лѣтъ. Звонилъ, вѣроятно, какой нибудь нашъ солдатикъ, вспомнившій при этомъ родную деревню. Проѣхавъ почти оцупью по узкимъ, плохо освѣщеннымъ улицамъ города, мы остановились наконецъ около церкви на небольшой площадкѣ, которая запружена была нашими солдатами расположенныхъ здѣсь 9-й и 14-й дивизій. Мы пробрались въ небольшую церковь, переполненную офицерствомъ: здѣсь находились генералы: Радецкій, князь Святополкъ-Мирскій и другіе. Церковь эта, повидимому, новѣйшей постройки, имѣетъ форму прямоугольника. Вдоль стѣнъ ея идутъ аркады съ колоннами смѣшаннаго стиля. На правой сторонѣ устроено архіерейское мѣсто, а на лѣвой—кафедра для проповѣди. Иконостасъ невысокій, весь вызоло-

ченный, съ иконами небольшого размѣра. Церковь освѣщается тремя большими паникадилами и нѣсколькими лампадами. Я замѣтилъ также одну мѣстную особенность, что женщины въ церкви становятся отдѣльно отъ мужчинъ, на хорахъ, закрытыхъ частою рѣшеткою. Мы поспѣли къ самому началу свѣтлой заутрени и при насъ начался крестный ходъ съ пѣніемъ „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“. Въ это самое время раздался салютъ въ 21 выстрѣлъ нашихъ полевыхъ батарей. Въ крестномъ ходѣ шествовали мѣстный греческій епископъ, благообразный старецъ, и нѣсколько нашихъ и греческихъ священниковъ, чѣмъ вполне выражалось наше церковное единеніе съ греками. Этою же идеею была проникнута и вся пасхальная служба, совершавшаяся попеременно по-гречески и по-русски. Не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе производило лишь непривычное для насъ носовое крикливое пѣніе грековъ. Отстоявши пасхальную службу, мы уже на разсвѣтѣ вернулись къ себѣ на станцію и здѣсь разговѣлись въ товарищескомъ кругу, пригласивши также и Брянцевъ.

Сегодня вечеромъ мнѣ предстоитъ ѣхать въ командировку въ Адрианополь. День опять сѣрый, пасмурный и трудно предвидѣть, какова будетъ погода. Точно также и въ политикѣ все еще остается смутнымъ и загадочнымъ, но есть признаки близкихъ крупныхъ переменъ. Уже получено извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ генерала Тотлебена на мѣсто Великаго Князя Николая Николаевича, который уѣзжаетъ въ Россію. Также слышно о предстоящемъ общемъ отступленіи нашихъ войскъ отъ Мраморнаго моря: подъ этимъ лишь условіемъ англійскій флотъ уйдетъ изъ проливовъ. Не пойму еще, какъ эти извѣстія отзовутся на нашихъ еще не прекращающихся морскихъ приготовленіяхъ минъ и проч. Лейт. Лавровъ уѣхалъ сегодня въ Стефано, откуда привезетъ, вѣроятно, важныя для насъ новости.

Мы предполагали было принять участіе въ парадѣ мѣстныхъ войскъ въ Чаталджѣ завтра 17-го, а вмѣсто того вышла для насъ отмѣна, которая подала здѣсь поводъ ко всевозможнымъ толкамъ.

20 апрѣля. Поѣздка моя въ Адрианополь, хотя и утомительная, имѣла свою хорошую сторону: не такъ долго тянулись для меня тѣ три дня, которые я провелъ въ дорогѣ, а вернувшись въ Чаталджу, узналъ я сразу кучу новостей. На пути, около станціи Павли-кіой, поѣздъ промчалъ насъ мимо обширныхъ черкесскихъ селеній, которые расположены по холмистымъ возвышенностямъ и окружены болотами. Въ настоящее время они совершенно запустѣли и только одни аисты возвратились въ свои старыя гнѣзда на крышахъ хатъ. Говорятъ, мѣстные болгаре еще продолжаютъ поджигать и разрушать эти черкесскія деревни, чтобы предупредить этимъ возвращеніе ихъ разбойничьяго населенія. Близъ станціи Узунъ-кепри мы проѣхали по двумъ длиннымъ мостамъ чрезъ Марицу. Она те-

перъ еще въ полномъ разливѣ и, протекая на югъ между невысокими лѣсистыми возвышенностями, образуетъ обширныя озера. Здѣсь же отдѣляется къ югу вѣтвь желѣзной дороги на Димотику и Дедеагачъ, къ берегу Эгейскаго моря. Собиравшееся ненастье наконецъ разразилось грозою съ сильнѣйшимъ проливнымъ дождемъ, который провожалъ насъ до самого Адрианополя. Этотъ городъ показался мнѣ въ этотъ разъ особенно красивымъ среди окаймляющихъ его обширныхъ цвѣтущихъ теперь фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Главныя улицы были разукрашены по случаю Пасхи русскими національными флагами, съ крестами на каждой изъ трехъ полосъ. Я разыскалъ въ городѣ начальника полевого артиллерійскаго управленія, генерала Адамовича и передалъ ему о своемъ порученіи разыскать биндюги для перевозки катеровъ. Къ сожалѣнію, таковыхъ за Балканами не оказалось вовсе, и генераль предложилъ въ случаѣ крайней надобности воспользоваться для этой цѣли лафетами изъ подъ турецкихъ 6-ти дюймовыхъ орудій съ передками. Съ этимъ не совсемъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ я и отправился въ обратный путь. Мнѣ остается упомянуть о пріятномъ знакомствѣ, которое я сдѣлалъ на станціи Адрианополь съ уполномоченнымъ Краснаго Креста графомъ Е. Е. Комаровскимъ. Мы разговорились съ нимъ о настоящемъ положеніи нашей дѣйствующей арміи въ Турціи. Графъ скорѣе пессимистъ и видитъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это довольно понятно: у него здѣсь на попеченіи болѣе 5000 больныхъ тифомъ солдатъ и офицеровъ и ежедневно подвозятъ еще новыя партіи, человѣкъ по 200, такъ что некуда ихъ уже класть и больные подолгу остаются въ вагонахъ на запасныхъ путяхъ. При мнѣ прибылъ сюда изъ Стефано санитарный поѣздъ, въ которомъ оказалось уже 5 умершихъ по пути. Столь значительная заболѣваемость въ нашей арміи дѣйствительно заставляетъ призадуматься. Но кромѣ свирѣпствующихъ эпидемій, существуютъ и другіе неблагоприятные для насъ симптомы. Появилась за послѣднее время новая опасность, съ которою приходится считаться: это появленіе значительныхъ и хорошо организованныхъ шаекъ башибузуковъ, которые усилились теперь даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Адрианополя (верстахъ въ 20-ти), около Чирмена. Ихъ тамъ набралось до 3-хъ тысячъ и они до того осмѣлились, что держатъ цѣпь въ виду нашихъ войскъ. Кромѣ остатковъ арміи Сулеймана¹⁾ въ составъ этихъ шаекъ вошло немало такъ называемыхъ „помаковъ“, т. е. болгаръ, перешедшихъ издавна въ Исламъ. Какъ всѣ ренегаты, эти помаки гораздо фанатичнѣе самихъ турокъ и озлоблены на своихъ соплеменниковъ, христіанъ. Пока мы вели этотъ разговоръ съ графомъ, подошелъ къ намъ ротмистръ Бугскаго уланскаго полка, расположеннаго около

¹⁾ Имъ удалось захватить нѣсколько брошенныхъ турецкихъ орудій.

Адрианополя. Комендантъ станціи познакомилъ насъ съ нимъ. Родной братъ этого офицера, служащій въ томъ же полкѣ, имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ къ упомянутой шайкѣ башибузуковъ и съ тѣхъ поръ о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Случилось это не далѣе, какъ 6-го апрѣля: злополучный молодой офицеръ отправился съ разѣздомъ изъ 4-хъ человѣкъ и всѣхъ ихъ захватили въ плѣнъ эти разбойники. Случай этотъ не единственный за послѣднее время: наши фуражиры неоднократно заманивались въ засады и вѣроломно умерщвлялись въ турецкихъ селеніяхъ. Противъ подобныхъ разбойничьихъ дѣйствій относительно нашихъ солдатъ и офицеровъ къ сожалѣнію не принимаются достаточно энергичныя и суровыя мѣры и зло растеть. Здѣсь негодуютъ на изданный недавно по инициативѣ Непокойчицкаго приказъ: дѣйствовать противъ этихъ разбойниковъ исключительно лишь „кроткими мѣрами“. Графъ Комаровскій справедливо замѣтилъ, что продолжая дѣйствовать съ такимъ неумѣстнымъ великодушіемъ, мы не замедлимъ вызвать настоящую партизанскую войну и подобныя шайки гверильясовъ появятся повсюду. Не мѣшало бы вспомнить примѣръ нѣмцевъ, которые во время франко-прусской войны объявили французскихъ вольныхъ стрѣлковъ внѣ закона и при поимкѣ вѣшали ихъ. Упомянутый мною уланскій ротмистръ еще не потерялъ послѣдней надежды разыскать своего несчастнаго брата и выѣхалъ одновременно со мною въ С. Стефано, чтобы хлопотать тамъ объ этомъ. Мы пожелали ему отъ души успѣха въ его розыскахъ.

Изъ Адрианополя я выѣхалъ вчера 19-го вечеромъ и вернулся въ Чаталджу въ 3 ч. дня. Здѣсь засталъ я только что прибывшаго къ намъ изъ С. Стефано миннаго офицера лейт. Тверитинова: онъ привезъ намъ кучу новостей, изъ которыхъ самая крупная—отбытіе Великаго Князя Николая Николаевича со всѣмъ его штабомъ (кромѣ оставшагося здѣсь ген. Левицкаго) въ Россію. Другая новость—пріѣздъ нашихъ моряковъ, адмирала Головачева съ Дуная и к.-лейт. Скрыдлова—изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что насъ, кажется, скоро вернутъ отсюда въ родные края. Неужели эта счастливая для насъ минута дѣйствительно такъ близка?

21 апрѣля. Сегодняшній день, вѣроятно, значится въ числѣ такъ называемыхъ „счастливыхъ дней“, а если нѣтъ, то надо его включить въ число таковыхъ. День, казалось бы, ничѣмъ не выдѣлился среди другихъ: съ утра небо было сѣрое и шелъ дождь. А между тѣмъ день этотъ не забудется во всю жизнь: сегодня мы узнали радостную вѣсть о возвращеніи нашемъ въ Россію! Извѣстіе, на этотъ разъ уже вполне достовѣрное, подѣйствовало на насъ какимъ то ошеломляющимъ образомъ, точно для узника вѣсть объ освобожденіи изъ долгаго и томительнаго заключенія. Сразу даже какъ то не вѣрилось, что это дѣйствительность, а не сонъ.

И по мѣрѣ того, какъ вдумываешься въ эту радость, она все увеличивается.

Еще вчера лейт. Лавровъ послалъ въ С. Стефано унт.-офицера Сарафанова за письмами. Послѣдній вернулся въ ночь и привезъ отъ кап. 1 р. Дикова слѣдующія извѣстія, которыя мы узнали сегодня при пробужденіи. Государь сдѣлалъ запросъ главнокомандующему Тотлебену, нуженъ ли ему здѣсь въ настоящее время Гвардейскій Экипажъ, на что послѣдній отвѣтилъ, что нѣтъ. Диковъ отъ себя прибавляетъ предписаніе немедленно начать погрузку минъ въ вагоны и отправлять ихъ при офицерахъ въ С. Стефано. При первомъ транспортѣ минъ отправится лейт. Тверитинову. Когда все будетъ отправлено, то нашей ротѣ немедленно выступать въ Стефано. Вслѣдствіе этого предписанія было тотчасъ-же приступлено къ дѣлу, но никто не предполагалъ, чтобы нашъ отъѣздъ изъ Чаталджи могъ осуществиться ранѣе нѣсколькихъ дней. Но во время нашего обѣда вдругъ входитъ къ намъ комендантъ станціи съ только что полученною имъ депешою: отправить завтра въ 12 час. дня нашу роту въ Стефано, для чего приготовить достаточное число вагоновъ. При этомъ неожиданномъ извѣстіи нашей радости уже не было границъ. Ликованіе въ ротѣ было поголовное. Завтра съ 5-ти час. утра мы будемъ продолжать погрузку минъ при помощи батальона пѣхоты, а затѣмъ: прощай станціонный домъ и Чаталджа!

22 апрѣля. Съ ранняго утра принялись мы за погрузку минъ въ вагоны, несмотря на дождь и глубокую грязь. Батальонъ Елецкаго полка, который намъ прислали въ помощь, работалъ довольно вяло, такъ что успѣли нагрузить всего лишь 10 вагоновъ, а остальные будутъ грузиться уже безъ насъ подъ наблюденіемъ лейт. Тверитинова. Въ 11 ч. сѣли мы завтракать уже по дорожному, а потомъ пили чай у капитана Пономаренко. Поѣздъ, съ которымъ мы должны были выѣхать, прибылъ съ большимъ запозданіемъ, такъ что мы тронулись въ путь изъ Чаталджи только въ 3 ч. и прибыли въ С. Стефано уже когда совсѣмъ стемнѣло. Насъ встрѣтилъ здѣсь лейт. Хвостовъ, только что вернувшійся изъ Константинополя, и сообщилъ, что завтра утромъ уже начнется посадка нашего Гвардейскаго Экипажа на пароходъ Русскаго Общества пароходства и торговли „Лазаревъ“. Такая снѣжность насъ, конечно, очень обрадовала. Мнѣ выпала довольно утомительная обязанность выгружать въ темнотѣ нашъ обозъ и затѣмъ вести роту въ лагерь по глубокой невылазной грязи. Только около полуночи управился я со всѣмъ этимъ дѣломъ и, добравшись наконецъ на знакомую квартиру къ Аренсу въ грязи по колѣна, съ наслажденіемъ напился у него чаю и залегъ спать съ пріятнымъ сознаніемъ, что это послѣдняя ночь, которую я провожу на турецкой почвѣ.

23 апрѣля. Сегодня Юрьевъ день, и я давно не проводилъ своихъ именинъ въ такомъ радостномъ настроеніи. Поднялись мы всѣ очень рано, но, оказалось, напрасно такъ торопились. Только часа въ 2, уже позавтракавъ, перебрался я съ берега на „Лазаревъ“ со своею ротою, а посадка всего нашего экипажа окончилась только около 4-хъ часовъ. На пароходъ грузили кромѣ того много лошадей Великаго Князя Николая Николаевича и его свиты. Лошадей этихъ поднимали на пароходъ помощью паровыхъ лебедокъ и спускали прямо въ трюмъ. Бѣдныя лошади замирали отъ страха во время этой сложной процедуры. Работы по погрузкѣ затянулись до поздняго вечера и вслѣдствіе этого пароходъ остался на рейдѣ С. Стефано до утра. Адмиралъ Поповъ со всѣмъ своимъ штабомъ посѣтилъ пароходъ, чтобы видѣть нашъ экипажъ и пожелать ему счастливаго возвращенія въ Россію. Адмиралъ былъ очень въ духѣ и пожалъ руку на прощанье каждому офицеру. Какъ слышно, онъ надѣялся было удержать насъ здѣсь нѣсколько дольше. Завтра съ разсвѣтомъ пароходъ нашъ перейдетъ въ Босфоръ.

24 апрѣля. „Лазаревъ“ снялся съ якоря рано утромъ и перешелъ отъ С. Стефано въ Золотой Рогъ. Опять развернулась предъ нами чудная панорама Босфора. Мы простояли на якорѣ до полудня, ожидая провизіи и бумагъ. Въ это время пріѣзжали прощаться съ нами наши здѣшніе друзья, Аѳонскіе монахи, и отслужили на палубѣ парохода напутственный молебенъ о благополучномъ возвращеніи нашемъ на родину. Наконецъ всѣ сборы закончились и нашъ большой, красивый пароходъ послѣ внушительнаго гудка далъ ходъ машинѣ. Мѣрно забороздилъ винтъ по гладкой синѣющей поверхности Босфора и въ послѣдній разъ промелькнули предъ нами при яркомъ весеннемъ освѣщеніи утопающіе въ садахъ мраморные дворцы и стройныя, сверкающія своею бѣлизною мечети. Далѣе, миновавъ грозныя профили Босфорскихъ укрѣпленій, мы вступили въ Черное море и взяли курсъ на Одессу.

25 апрѣля. Мы быстро подвигаемся къ цѣли нашего плаванія. Погода стоитъ дивная. Черное море встрѣчаетъ насъ ласково и, вопреки своему названію, въ этотъ разъ не уступаетъ синевой своему сосѣду, Средиземному. Вѣтеръ совершенно стихъ и качки почти нѣтъ. Сегодня къ утру мы прошли уже болѣе половины пути. По мѣрѣ приближенія къ роднымъ берегамъ какое то неизъяснимо радостное волненіе овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ. Еще нѣсколько часовъ, и мы наконецъ увидимъ нашу дорогую, беззавѣтно любимую родину, которая сопутствовала намъ въ трудномъ походѣ своими благословеніями, а теперь встрѣтитъ насъ, послѣ всего пережитаго, какъ родная любящая мать.

Юрій Арсеньевъ.